

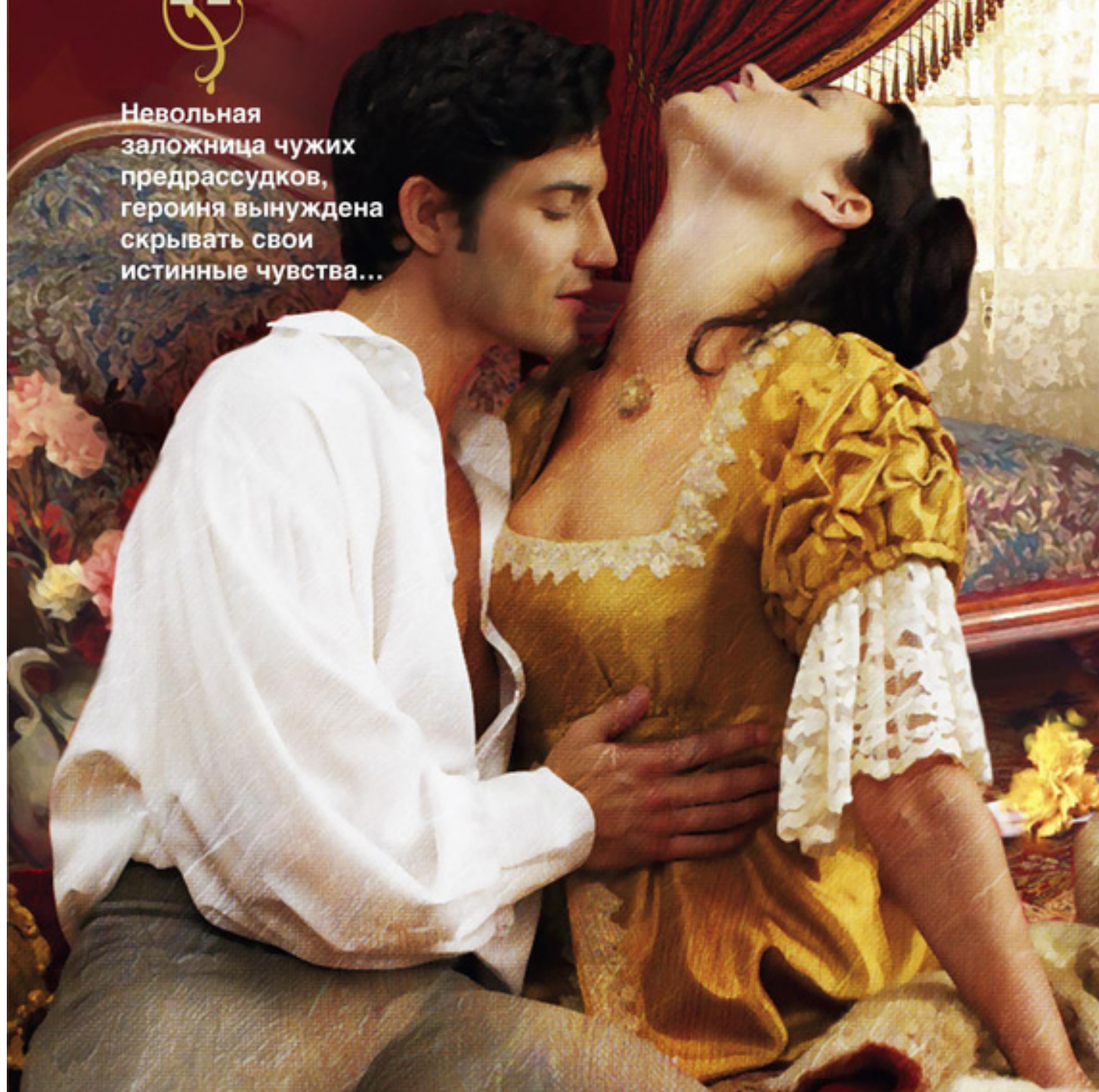
HARLEQUIN®

new york times
bestselling author

Маскарад
HISTORICAL
Romance

Кэндис Кэмп Доварство любви

Невольная
заложница чужих
предрассудков,
героиня вынуждена
скрывать свои
истинные чувства...

Маскарад – Harlequin

КЭНДИС КЭМП
Коварство любви

«Центрполиграф»

2008

Кэмп К.

Коварство любви / К. Кэмп — «Центрполиграф»,
2008 — (Маскарад – Harlequin)

На бале-маскараде очаровательную 23-летнюю леди Каландру спасает от неприятных приставаний очередного кавалера таинственный граф Бромвель, который оказывается врагом ее брата и опекуна князя Рошфора. Несмотря на категорические протесты брата и приказ держаться от Бромвеля подальше, Калли разрабатывает план, чтобы увидеть его снова, заручившись поддержкой свахи – леди Франчески Хостон. Однако Франческа знает источник вражды между мужчинами – некогда Рошфор отказался жениться на старшей сестре Бромвеля леди Дафне, которая теперь строит планы, как уничтожить репутацию Калли...

© Кэмп К., 2008

© Центрполиграф, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	34
Глава 5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Кэндис Кэмп

Коварство любви

Глава 1

Бал по случаю дня рождения леди Оделии Пенкалли был большим событием еще неначавшегося сезона. Не оказаться в списке гостей значило едва ли не стать изгоем общества. И уж конечно никто из приглашенных и помыслить не мог проигнорировать столь значительное мероприятие.

Леди Пенкалли была связана родственными узами с половиной самых могущественных и богатых семей Англии. Дочь герцога, после замужества ставшая графиней, она была одним из столпов общества. Редкий человек осмеливался вызвать ее гнев. Пребывая в зените славы, она правила светским обществом – как, впрочем, и своим собственным домом – с помощью острого языка и железной воли. И хотя леди Пенкалли с годами все реже появлялась в Лондоне, даже в сезон предпочитая проводить время в своем загородном имении, она по-прежнему оставалась силой, с которой нельзя было не считаться. Ведя обширную переписку, она всегда была осведомлена обо всех новостях и светских скандалах и охотно давала советы тем, кто в них нуждался.

В нынешнем году леди Пенкалли объявила о том, что собирается ознаменовать свое восьмидесятипятилетие большим балом, и весь высший свет независимо от социального статуса и притязаний счел за благо не рисковать и почтить графиню своим присутствием, невзирая на то что январь в Лондоне всегда считался самым непопулярным месяцем года. Ни снежные заносы, ни холод, ни неудобства, сопряженные с открытием столичных домов для краткого визита хозяев, не могли удержать великосветских дам от того, чтобы приехать. Они утешали себя еще и тем, что в этом сезоне несправедливо будет заметить, будто в январе в столице никого не было, ведь все мало-мальски значимые персоны непременно соберутся на торжество леди Оделии.

Среди тех, кто возвратился в Лондон из имения в провинции, был и герцог Рошфор со своей сестрой, леди Каландрой, и их бабушкой, вдовствующей герцогиней Рошфор. Герцог принадлежал к числу тех немногих людей, кто мог позволить себе отклонить приглашение леди Оделии, но решил не делать этого. В конце концов, он приходился ей внучатым племянником и свято чтит семейные узы и связанные с этим обязательства. К тому же в Лондоне у него были дела.

Вдовствующая герцогиня, пусть и не питала любви к старшей сестре своего покойного мужа, все же приехала, потому что леди Пенкалли была одной из немногих дам их уходящего поколения, и герцогиня неустанно подчеркивала, что хотя Оделия гораздо старше ее, но равная ей по социальному статусу. Иными словами, леди Оделия была дамой ее круга, несмотря на то что иногда и шокировала окружающих своими вопиющими манерами.

Из трех пассажиров экипажа, стоящего в длинной очереди на Кэвендиш-Кресент в ожидании подъезда к дому леди Пенкалли, лишь самая младшая, Каландра, с нетерпением ожидала вечера.

Двадцатитрехлетняя Калли, как ее называли в кругу семьи, выходила в свет уже пять сезонов, поэтому лондонский бал, особенно тот, что давался престарелой родственницей, не мог быть причиной столь сильного волнения. Однако до этого она провела в уединенном имении семьи Лилльс, Маркасле, несколько месяцев, показавшихся ей особенно долгими из-за необычайно большого числа тусклых дождливых дней и постоянного присутствия бабушки.

По давно заведенному порядку пожилая дама имела обыкновение проводить большую часть года в Бате, безраздельно властвуя в местном аристократическом обществе и лишь несколько раз за сезон приезжая в Лондон, чтобы убедиться, что внучка ведет себя благопристойно.

Однако в конце прошлого сезона вдовствующая герцогиня решила, что пришло время выдавать леди Каландру замуж, и сочла своей прямой обязанностью проследить, чтобы девочка обручилась – с достойным джентльменом, разумеется. Ради этой благой цели она пожертвовала зимним курсом лечения на водах в Бате и водворилась в их историческом семейном поместье в Норфолке, подверженном сквознякам.

Таким образом, последние месяцы Калли провела в компании своей бабушки, выслушивая строгую критику пожилой леди по поводу своего поведения, наставления о том, что выйти замуж – это ее долг, а также мнения обо всех подходящих на роль мужа пэрах Англии.

В результате от перспективы побывать на балу, где можно будет потанцевать, увидеть друзей, послушать музыку и вдоволь посплетничать, у нее внутри все сжималось в предвкушении. Еще большую привлекательность в глазах Калли бал леди Оделии приобрел потому, что был балом-маскарадом. Это позволило девушке не только придумать костюм, но и ожидать от вечера интригующего аромата тайны.

После долгих размышлений и консультаций со своими швеями Калли решила предстать в образе дамы времени правления Генриха VIII. Плотная прилегающая шляпка была ей очень к лицу, а платье насыщенного малинового оттенка прекрасно оттеняло черные кудри и светлую кожу – и было отличной альтернативой привычным для нее белым нарядам, цветом, в который обязаны были облачаться незамужние девушки.

Калли взглянула на сидящего напротив брата. Рошфор, естественно, не стал рядиться в маскарадный наряд, вместо этого надел обычный элегантный вечерний костюм с белой сорочкой и идеально накрахмаленным белым галстуком. Его единственной уступкой предстоящему торжеству стала черная полумаска, закрывающая верхнюю часть лица. С такой внешностью, как у него, он имел довольно романтичный и даже слегка зловеющий вид, привлекающий внимание большей части присутствующих на балу дам и заставляющий их вздыхать, глядя ему вслед.

Перехватив взгляд сестры, он тепло ей улыбнулся.

– Радуетесь возможности снова потанцевать, Калли?

Она улыбнулась в ответ. Другие могли счесть ее старшего брата холодным и отстраненным, даже неприступным, но ей было отлично известно, что в действительности все обстоит иначе. Ее брат был очень сдержанным человеком и не спешил оказывать людям теплый прием. Калли понимала его манеру поведения; будучи сестрой герцога, она давно усвоила, что огромное количество людей стремятся втереться к ним в доверие не ради дружбы, а ради социальных и материальных благ, которые надеялись извлечь из этого знакомства. Она подозревала, что у Сенклера был еще более печальный опыт в этой сфере, чем у нее, так как свой титул и богатство он получил в очень раннем возрасте и не мог рассчитывать на поддержку и защиту старшего брата.

Их отец умер, когда Калли было пять лет, а мать, красивая женщина с отпечатком грусти на лице в знак траура по покойному мужу, скончалась девятью годами позже. С тех пор в семье остались только они с братом, да еще, конечно, бабушка. Сенклер, который был на пятнадцать лет старше Калли, возложил на себя обязанности ее покровителя и стал ей не столько старшим братом, сколько снисходительным отцом. Девушка подозревала, что одной из причин, по которой он решил сегодня присутствовать на балу их тетушки, было осознание, что это доставит ей удовольствие.

– Жду с нетерпением, – отозвалась она. – Поверить не могу, что не танцевала со времен свадьбы Ирен и Гидеона.

В семье леди Каландры все знали, что она относится к подвижному типу людей и предпочитает прогулку верхом или быструю ходьбу вечеру возле камина с рукоделием. Даже к концу сезона она никогда не уставала от танцев.

– Ты забыла о праздновании Рождества, – напомнил герцог, подмигнув сестре.

Калли закатила глаза:

– Танцевать с братом, в то время как компаньонка бабушки играет на пианино, – не в счет.

– Зима действительно выдалась унылой, – вынужден был признать Рошфор. – Обещаю, скоро мы съездим в Дэнси-Парк.

Калли улыбнулась.

– Мне будет очень приятно снова увидеть Доминика и Констанцию. Ее письма просто лучатся счастьем теперь, когда она ожидает ребенка.

– Каландра, это не те новости, о которых следует упоминать в присутствии джентльмена, – заметила герцогиня.

– Но я же сказала не кому-нибудь, а Сенклеру! – мягко возразила Калли, подавляя вздох. Она давно привыкла к строгим взглядам бабушки на подобающее молодой особе поведение и изо всех сил старалась не обидеть пожилую даму, но после трех месяцев непрерывных наставлений терпение ее было на исходе.

– Да, – украдкой улыбнувшись сестре, подтвердил Рошфор. – Это всего лишь я, хорошо знакомый с манерами сестры.

– Можешь смеяться сколько тебе угодно, – парировала герцогиня, – но дама с таким социальным статусом, как у Калли, должна всегда вести себя благоразумно. Особенно если она еще не замужем. Джентльмен никогда не возьмет в жены ту, которая поступает не так, как принято в обществе.

На лице Рошфора появилось холодно-высокомерное выражение, которое Калли называла «герцогской миной», когда он произнес:

– Разве найдется джентльмен, который осмелится назвать Каландру неблагоразумной?

– Конечно нет! – быстро воскликнула герцогиня. – Но когда девушка ищет достойного мужа, она должна быть особенно осмотрительной в своих речах и поступках.

– Ты ищешь мужа, Калли? – удивленно спросил Рошфор сестру. – А я и не знал.

– Нет, не ищу, – спокойно ответила девушка.

– Разумеется, ищешь, – возразила ее бабушка. – Незамужняя женщина всегда находится в поиске супруга, вне зависимости от того, признает она это или нет. Ты больше не молоденькая девушка, только-только начавшая выходить в свет, моя милая. Тебе уже двадцать три, а практически все девушки, дебютировавшие в один сезон с тобой, уже обручены – даже круглолицая дочь лорда Триппа.

– С «ирландским герцогом, у которого лошадей больше, чем перспектив на будущее»? – уточнила девушка. – Так, кажется, ты его на прошлой неделе назвала?

– Безусловно, я ожидаю, что *ты* сделаешь гораздо более удачную партию, – резко ответила герцогиня. – Мне, однако, досадно, что эта девчонка обручилась раньше тебя.

– У Калли достаточно времени, чтобы найти мужа, – беззаботно произнес Рошфор. – Уверю тебя, – добавил он, – что найдется множество мужчин, которые с радостью попросили бы у меня руки сестры, получи они хоть малейшее поощрение.

– Которого ты конечно же никому не давал, – язвительно ответила герцогиня.

Брови Сенклера удивленно взметнулись вверх.

– Бабушка, ты, разумеется, не одобрила бы моей благосклонности к повесам и охотникам за приданым, желающим заполучить нашу Каландру.

– Это даже не обсуждается. Перестань строить из себя слабоумного. – Вдовствующая герцогиня была одной из немногих женщин, не испытывающих благоговейный трепет перед

Рошфором, и всегда напрямую высказывала ему то, что думает. – Я лишь хочу сказать, что всем известно: заинтересуйся они твоей сестрой – тут же удостоятся твоего визита. Но ведь немногим мужчинам удается противостоять тебе.

– Я и предположить не мог, что выгляжу таким устрашающим, – спокойно ответил он. – Как бы то ни было, я не думаю, что Калли понравится претендент, который не захочет серьезно переговорить со мной, прежде чем выказывать ей знаки внимания. – Он повернулся к сестре: – У тебя есть на примете какой-то конкретный джентльмен?

Девушка покачала головой:

– Нет. Я и так вполне счастлива.

– Ты не сможешь всегда оставаться самой популярной молодой женщиной в Лондоне, – предостерегла ее бабушка.

– Поэтому следует сполна насладиться этим сейчас, – констатировал Рошфор, дав тем самым понять, что разговор окончен.

Благодарная брату за вмешательство, Калли отвернулась к окну и, посматривая из-за занавески, принялась изучать стоящие перед ними экипажи, из которых выходили пассажиры. Однако слова бабушки не шли у нее из головы.

Калли сказала правду. Она действительно была вполне довольна своей жизнью: наслаждалась водоворотом событий, захватывающим Лондон в весенние и летние месяцы, – танцами, пьесами, оперой, – а в течение остальной части года тоже с успехом находила себе занятия. У нее были друзья, которым она могла наносить визиты. За последние несколько месяцев она особенно сблизилась с Констанцией, новой женой виконта Лейтона, и, когда герцог приезжал в Дэнси-Парк, Калли проводила с ней очень много времени, принимая во внимание, что Редфилдс, особняк Доминика и Констанции, находился всего в нескольких милях от Дэнси-Парк. У герцога были и другие дома, которые он периодически навещал, и Калли часто ездила с братом. Ей редко бывало скучно, потому что она искренне наслаждалась конными поездками и долгими пешими прогулками по сельской местности и не гнушалась компанией местных жителей и слуг. С тех пор как ей минуло пятнадцать, она исполняла обязанности хозяйки владений герцога, в которых всегда находились какие-то дела.

Как бы то ни было, она понимала, что бабушка права. Неумолимо приближалось время, когда ей придется вступать в брак. Через два года ей исполнится двадцать пять, а к этому возрасту большинство девушек уже бывают замужем. Если она и дольше останется незамужней, то ее скоро сочтут старой девой, а это, как она знала, не самый приятный титул.

Не то чтобы Калли имела что-либо против брака. В этом она не походила на свою подругу Ирен, всегда заявлявшую, что никогда не выйдет замуж – намерение, которое она коренным образом изменила, познакомившись с лордом Рэдбурном. Нет, Калли хотела замуж, хотела иметь мужа, детей, собственный дом.

Проблема заключалась в том, что она никогда не встречала достойного человека. Верно, раз или два она страстно влюблялась, и сердце ее трепетало от одной улыбки мужчины, а пульс учащался при виде широких плеч, обтянутых гусарским мундиром. Но это были мимолетные чувства, и ей еще только предстояло найти человека, которого она бы с радостью приветствовала каждое утро за завтраком – не говоря уже о том, чтобы подарить ему себя в первую брачную ночь, такую притягательную, загадочную и слегка пугающую.

Калли не раз доводилось слышать, как молодые женщины с восторгом обсуждают того или иного джентльмена, и ей всегда было интересно, как это возможно с такой кажущейся простотой провалиться в расщелину любви. Она гадала, известна ли девушкам другая сторона этого чувства – слезы, которые она не раз замечала в глазах своей матери даже годы спустя после смерти мужа, и то, как мать превратилась в живого призрака задолго до собственной кончины. Калли недоумевала, было ли ей самой так сложно влюбиться именно потому, что она знала о сопряженной с любовью глубокой печали, или ее душе просто чего-то не хватало?

Она заставила себя отрешиться от мрачных мыслей, когда их экипаж остановился перед парадным входом ярко освещенного дома, и лакей спрыгнул с подножки и распахнул перед ними дверь. Девушка решила, что не позволит чему бы то ни было – будь то критика бабушки или собственные сомнения – испортить ей первый вечер в Лондоне.

Она прикоснулась к лицу, проверяя, не сдвинулась ли изящная полумаска, и, опершись на руку брата, вышла из экипажа.

В бальном зале их приветствовала леди Франческа Хостон, узнать которую было нетрудно, несмотря на узкую синюю маску из атласа, закрывающую верхнюю часть ее лица. Леди Франческа – утонченное видение в кремово-золотых и синих тонах – облачилась в костюм пастушки, не настоящей, конечно, а пасторальной. Ее белокурые кудри были перехвачены синими лентами, гармонировавшими с широкой лентой, опоясывающей ее талию. Верхняя юбка была пошита из синего атласа, и в ее складках, украшенных маленькими розочками, виднелась белоснежная пена оборок нижней юбки. На ножках Франчески красовались золотистые туфельки.

– Малютка Бо Пип¹, полагаю, – с нарочитой медлительностью произнес Рошфор, склоняясь для поцелуя к руке леди Франчески.

Женщина в ответ сделала реверанс.

– А вы, как я вижу, не озаботились пошивом маскарадного костюма, – парировала она. – Мне следовало бы сразу об этом догадаться. Что ж, теперь вам придется оправдываться перед леди Оделией, которая настаивала на строжайшем соблюдении правил бала-маскарада.

Она жестом указала в противоположную часть комнаты, туда, где на возвышении восседала на черном бархатном стуле с высокой спинкой леди Оделия. На ней был высокий оранжевый парик, а лицо сильно набелено. В волосах поблескивала золотая диадема, а за плечами виднелся высокий накрахмаленный гофрированный воротник. Толстые нитки жемчуга спускались с ее шеи на грудь и юбки, а пальцы были унизаны кольцами.

– Она конечно же изображает старую добрую Елизавету, – заметил Рошфор, проследив направление взгляда Франчески. – В преклонные годы, полагаю.

– Смотрите, как бы она вас не услышала, – предостерегла Франческа. – Она уже долгое время не принимала гостей, поэтому решила устроить прием сразу для всех своих почитателей. Как это удобно, не правда ли?

С этими словами Франческа повернулась к Калли, с улыбкой протягивая к ней руки.

– Калли, дорогая моя. По крайней мере, на вас я могу рассчитывать. Какой у вас милый наряд.

Каландра улыбнулась подруге. Она знала леди Хостон всю свою жизнь, потому что та приходилась сестрой виконту Лейтону и выросла в Редфилдсе, расположенном неподалеку от дома герцога в Дэнси-Парк. Франческа была несколькими годами старше Калли, и в детстве Калли относилась к ней с благоговейным трепетом. Франческа вышла замуж за лорда Хостона и переехала из Редфилдса, но Калли продолжала видеться с ней во время ее визитов к родителям. Позднее, когда Каландра сама стала выезжать в свет, она постоянно общалась с Франческой, вдовствующей уже пять лет и являющейся одной из важных особ высшего света. Она обладала утонченным вкусом, и даже сейчас, тридцати с лишним лет, считалась одной из красивейших женщин Лондона.

– Спешу вас заверить, что вы полностью меня затмили, – заметила Калли Франческе. – Выглядите превосходно. Но как леди Оделии удалось завлечь вас на роль встречающей гостей?

– Ах, дорогая, ей удалось сделать гораздо большее. Она решила, что не в состоянии организовать бал самостоятельно, поэтому переложила все заботы на плечи своей сестры леди Рэд-

---

¹ Малютка Бо Пип – пастушка, постоянно теряющая своих овец, за которыми должна присматривать, – героиня «Сказок Матушки Гусыни».

бурн и, конечно, новой герцогини Рэдбурн – вы знаете Ирен, – сказала Франческа, делая жест рукой в сторону стоящей рядом с ней женщины.

– Разумеется, – ответила Калли.

Высшее общество не было многочисленным, и на протяжении какого-то времени она была немного знакома с Ирен. Несколько месяцев назад она узнала ее ближе, когда та вышла замуж за Гидеона, лорда Рэдбурна, приходившегося герцогу и его сестре дальним родственником.

Ирен искренне улыбнулась девушке и сказала:

– Приветствую, Калли. Рада вас видеть. Франческа уже сказала вам, как я воспользовалась ее добротой душевной?

– Ну, я бы не стала это так называть, – возразила Франческа.

Ирен рассмеялась. Она была высокой женщиной с густыми вьющимися светлыми волосами, и наряд гречанки был ей очень к лицу. В ее золотистых глазах плясали веселые чертики. Калли подумала о том, что замужество пошло Ирен на пользу. Сейчас она казалась особенно красивой.

– Франческа имеет в виду, что в действительности все оказалось гораздо хуже, – пояснила Ирен, признательно глядя на подругу. – Вы же знаете, как неуверенно я себя чувствую на балах. Все легло на ее хрупкие плечи, и можно смело сделать ей комплимент по поводу того, как успешно она справилась.

Франческа тепло улыбнулась и отвернулась, чтобы поприветствовать следующего гостя, а Калли подошла к Ирен и ее мужу, лорду Гидеону Рэдбурну, пришедшему на бал в костюме пирата. Девушка отметила, что этот наряд очень соответствовал его нетрадиционному облику. С черными, слегка взъерошенными волосами и крепким телосложением он больше походил на морского разбойника, грабящего корабли, чем на джентльмена, и с удовольствием щеголял заткнутой за кушак саблей.

– Леди Каландра, – с поклоном приветствовал ее Гидеон, – благодарю, что пришли. – На мгновение улыбка смягчила его жесткие черты. – Очень рад видеть знакомое лицо.

Калли улыбнулась в ответ. Всем было известно, что Гидеон некомфортно чувствовал себя в обществе пэров – волею судьбы с детства он воспитывался лондонскими бедняками, и ему удалось выжить и преуспеть только благодаря собственной смекалке. Когда взрослым человеком он занял причитающееся ему по праву рождения положение, то не смог до конца вписаться в великосветское общество. Он был немногословен и до сих пор благополучно избегал большинства приемов. В Ирен с ее прямыми речами и пренебрежением чужим мнением он сразу же распознал родственную душу. Калли, время от времени встречая в свете, находила его интересным собеседником.

– Я рада быть здесь, – заверила его девушка. – Боюсь, зима в Маркасле показалась мне утомительной. Как бы то ни было, отсутствие на балу по случаю дня рождения тетушки Оделии может быть расценено как дурной тон.

– Полагаю, теми же соображениями руководствовалась половина Англии, – произнес Гидеон, обводя взглядом переполненный зал.

– Позвольте мне проводить вас к почетной гостье, – предложила Ирен, беря Калли под руку.

– Предательница, – чуть слышно произнес ее муж. Его теплая улыбка, адресованная жене, контрастировала с колким словом. – Ты просто пользуешься возможностью улизнуть от этой треклятой обязанности приветствовать прибывающих гостей.

Ирен захихикала, и губы ее изогнулись в дразнящей усмешке.

– Можешь присоединиться к нам, если хочешь. Уверена, что Франческа и одна отлично справится с этой обязанностью.

– Хм-м. – Лорд Рэдбурн принял задумчивую позу. – Ты поставила меня перед сложным выбором: встречать гостей или предстать пред леди Оделией. А третьего, более интересного варианта нет? Например, ворваться в охваченное огнем здание?

Улыбка, которой он при этом одарил жену, могла быть расценена как особый вид нежности.

– Уж лучше мне остаться здесь, – продолжил он, – в противном случае тетушка Оделия, без сомнений, вернет меня обратно, потому что я не нарядился сэром Фрэнсисом Дрейком по ее совету и не заявился на бал с глобусом под мышкой.

– Глобусом? – чуть слышно переспросила Калли, увлекаемая прочь Ирен.

– Да, потому что сэр Фрэнсис Дрейк совершил кругосветное плавание, хотя я не уверена, что он действительно обогнул земной шар. Но для тетушки Оделии это вряд ли имеет значение.

– Неудивительно, что Рэдбурн не стал рядиться в этот костюм.

– Но не этот факт вызвал его отвращение к похожим на шар коротким панталонам Дрейка.

Калли засмеялась:

– Я удивлена, что вы вообще смогли убедить его нарядиться в костюм. Сенклер и слышать о нем не хотел, согласился только на маску.

– Несомненно, герцог боится лишиться чувства собственного достоинства, – заметила Ирен. – Знаете, я нахожу довольно забавным то, какой силой убеждения обладает она. – Глаза ее сверкнули в прорезях маски, а рот изогнулся в мягкой соблазнительной улыбке.

Калли почувствовала, как щеки ее заливают жаркий румянец от этих слов, затронувших ее любопытство. Женщины обычно быстро прекращали разговор о брачном ложе, оказавшись поблизости незамужняя девушка, поэтому познания Калли о том, что происходило в спальне между мужем и женой, были довольно скудны. Однако благодаря тому, что она выросла в деревне, некоторые общие моменты соития были ей известны на примере собак и лошадей.

Тем не менее Калли не переставала думать о чувствах – эмоциях и физических ощущениях, – сопутствующих этому самому интимному человеческому акту. Задать откровенный вопрос было делом немислимым, поэтому девушке оставалось довольствоваться собранными по крупицам знаниями, почерпнутыми из подслушанных бесед или случайных оговорок. Слова Ирен, решила она, отличались от того, что она обычно слышала из уст замужних дам. Несмотря на напускную веселость, в ее голосе звучали *довольные* нотки – более того, она чуть ли не мурлыкала от удовольствия, говоря о силе женского убеждения, которой сама недавно воспользовалась.

Калли искоса посмотрел на подругу. Если на свете и есть женщина, с которой она могла бы поговорить о таинстве брачной жизни, то это, без сомнения, Ирен. Некоторое время девушка обдумывала, как направить разговор в нужное ей русло, но не успела ничего изобрести, потому что, скользнув взглядом в противоположный конец зала, увидела нечто, всецело завладевшее ее вниманием.

Мужчина стоял прислонившись плечом к одной из колонн, опоясывающих комнату, со скрещенными на груди руками. Он казался совершенно расслабленным. На нем был костюм роялиста²: один край широкополой шляпы был лихо заломлен вверх, а с другого свисало роскошное перо. Руки его по самые предплечья были затянуты перчатками из мягкой кожи, а на ногах красовались бриджи желтовато-коричневого цвета, заправленные в сапоги до колен с притороченными к каблукам золотыми шпорами. Камзол мужчины был лишен какого-либо орнамента, а поверх него имелся короткий плащ, завязанный под шеей и откиннутый на один бок, чтобы выставить на обозрение висящий на талии меч.

---

² Роялист – сторонник Карла I во время Английской буржуазной революции.

Этот человек, показавшийся Калли необычайно элегантным, стройным и сильным, словно сошел с полотна, изображающего аристократа, сражавшегося и умершего за своего обреченного короля Карла I. Черная полумаска, скрывающая верхнюю половину его лица, добавляла его образу романтичности и таинственности. Мужчина обводил присутствующих надменным скучающим взором. Потом его взгляд встретился со взглядом Калли и замер.

Мужчина не пошевелился и не изменил выражения лица, но девушка каким-то образом догадалась, что внутренне он весь напрягся. Калли сделала еще несколько неуверенных шагов, продолжая смотреть на незнакомца. На губах его медленно появилась улыбка, и, сняв с головы шляпу, он отвесил девушке экстравагантный поклон.

Каландра осознала, что слишком откровенно смотрит на него, и, покраснев, поспешила догнать Ирен.

– Вы знаете этого мужчину в костюме роялиста? – спросила она сдавленным голосом.

Ирен огляделась:

– Где? Ах нет. Полагаю, он мне незнаком. Кто же это? – Она снова повернулась к Калли.

– Не думаю, что когда-либо видела его прежде, – ответила та. – Он выглядит... интригующе.

– Несомненно, это из-за костюма, – цинично отозвалась Ирен. – Даже самый скучный тип будет прекрасно смотреться, нарядись он роялистом.

– Возможно, – протянула Калли, ничуть не убежденная этим замечанием. Ей очень хотелось обернуться и снова посмотреть на мужчину, но она подавила этот порыв.

– Каландра! А вот и ты! – воскликнула леди Оделия зычным голосом, когда дамы приблизились к возвышению, на котором она восседала.

Калли улыбнулась, поднимаясь на помост, чтобы поприветствовать родственницу:

– Разрешите вас поздравить, тетушка Оделия?

Леди Пенкалли, внушительного вида дама даже без костюма королевы Елизаветы, царственным жестом, свойственным монаршей особе, махнула рукой, призывая Калли приблизиться:

– Подойди, девочка, поцелуй меня. Дай-ка я на тебя посмотрю.

Калли послушно склонилась и чмокнула пожилую леди в щеку. Тетушка Оделия взяла обе ее руки и стала пристально изучать девушку.

– Хорошенькая, как всегда, – удовлетворенно объявила она. – Прекраснее многих, как я обычно говорю. Из Лилльс, я имею в виду, – бросая взгляд на Ирен, добавила она.

Ирен понимающе кивнула и улыбнулась. Она была одной из немногих женщин высшего общества, не боящихся леди Пенкалли, напротив, наслаждалась обществом пожилой дамы и ее прямыми суждениями. Несколько раз она вступала с Оделией в дискуссии, от которых все прочие в страхе выбегали из комнаты, оставляя двух раскрасневшихся женщин, чьи глаза метали молнии, наслаждаться обществом друг друга.

– Понять не могу, что сейчас творится с молодыми людьми, – продолжала леди Оделия. – В былые времена девушку, подобную тебе, сцапали бы в первый же год ее выхода в свет.

– Возможно, леди Каландра не желает быть «сцапанной», – заметила Ирен.

– Даже не вздумай забивать ей голову своими радикальными идеями, – предупредила леди Оделия. – Калли не собирается пополнять ряды старых дев, не так ли, дорогая?

Каландра подавила вздох, гадая, удастся ли ей когда-либо избавиться от этой темы:

– Вы правы, тетушка.

– Разумеется, права! Какая образованная молодая девушка изберет для себя эту стезю? Но тебе стоит крепко задуматься о замужестве, Каландра. Попроси Франческу помочь тебе. Я всегда считала, что у нее волос длинный, а ум короткий, но изменила свое мнение, когда ей удалось затащить вот эту под венец. – Леди Оделия кивнула в сторону Ирен, которая комично

закатила глаза, глядя на Калли. – Я бы не стала держать пари на вероятность того, что это случится.

– Послушать вас, тетушка, – вмешалась Ирен, – как вы говорите об этом с леди Рэдбурн, так выходит, что я и ваш внук не имеем к делу никакого отношения, а только Франческа.

– Ха! Да предоставь я вас двоих самим себе, вы бы до сих пор не сподобились на брак, – парировала леди Оделия, хотя морщинки, обозначившиеся в уголках ее глаз, контрастировали с резкими словами.

Две дамы продолжили свой шуточный спор, и Калли с огромным облегчением поняла, что Ирен умело переключила внимание пожилой дамы на другую тему, и они больше не говорят об отсутствии мужа у самой Каландры. Она благодарно улыбнулась Ирен и получила ответную теплую улыбку.

Калли стояла, рассеянно слушая бесконечный разговор двух дам. Вдруг она поняла, что Ирен замолчала и смотрит на что-то, находящееся у нее за спиной. Она собралась было повернуться, чтобы узнать, что же вызвало столь пристальное внимание подруги, когда сзади раздался глубокий мужской голос:

– Прошу извинить меня, ваше высочество, могу ли я просить эту прекрасную даму оказать честь отдать мне следующий танец?

Калли резко развернулась, и глаза ее широко раскрылись, когда она поняла, что смотрит в скрытое маской лицо мужчины в костюме роялиста.

Глава 2

Калли отметила, что вблизи незнакомец выглядел еще более интригующим, чем на расстоянии. Черная полумаска, скрывающая верхнюю часть его лица, выгодно подчеркивала волевой подбородок и четко очерченный чувственный рот. В глазах, взирающих на нее из прорезей, определенно было больше теплоты, чем вежливости. Мужчина был высокого роста и имел широкие плечи и узкую талию. Он распространял вокруг себя атмосферу мужественности, которую можно было лишь частично списать на его костюм.

Калли понимала, что ей следовало бы ответить отказом на столь прямолинейное приглашение, потому что была совершенно уверена, что этот человек не входил в круг ее знакомых, но у нее не было ни малейшего намерения пренебрегать им. Совсем наоборот, ей очень хотелось вложить свою руку в ладонь этого незнакомца и позволить ему повести ее в центр балльного зала.

Однако девушка была уверена, что ей не представится возможность потанцевать с ним, потому что леди Оделия, без сомнения, покарает его за столь дерзкое поведение. С затаенным сожалением Калли ждала решения тетушки.

– Разумеется, – ответила, нет, почти промурлыкала пожилая дама.

Калли с удивлением воззрилась на нее.

На лице Ирен, когда она повернулась к леди Оделии, застыло схожее недоуменное выражение. Но пожилая дама одобрительно улыбалась незнакомцу в костюме роялиста. Заметив, что Калли не двигается, она нетерпеливым жестом побудила ее к действию:

– Ну же, девочка, не стой, будто приросла к полу. Иди, пока оркестр не заиграл, а то пропустишь начало танца.

Каландре не требовалось повторять дважды. Раз леди Оделия дала благословение на танец с этим мужчиной, значит, правила приличия соблюдены, и она сумеет избежать дальнейших укоров со стороны бабушки. Тем не менее в том, чтобы танцевать с незнакомцем, ощущался легкий налет недозволенности, который казался ей особенно притягательным.

Калли поспешно вложила ладонь в протянутую руку мужчины и каждой клеточкой тела ощущала его прикосновение к своей нежной коже.

– Вы же понимаете, что мне не следовало с вами танцевать, – сказала она ему, удивляясь, как игриво прозвучали ее слова.

– В самом деле? Отчего же? – спросил он, глядя на нее сверху вниз. В глазах его вспыхивали веселые искорки.

– Я незнакома с вами, сэр.

– Как вы можете быть в этом так уверены? – возразил он. – Мы же в масках.

– Тем не менее у меня не остается сомнений, что я вижу вас впервые в жизни.

– Я всегда считал, что цель маскарада в том и состоит, чтобы люди не узнавали друг друга. В таком случае никто не станет требовать соблюдения привычных правил света, и танцевать с незнакомцем вовсе не будет делом предосудительным, – заявил мужчина, скользя взглядом по лицу девушки, отчего она внезапно почувствовала, как к щекам приливает кровь.

– Как, сэр, ни одно правило не соблюдается? – весело воскликнула она. – Это может оказаться опасным.

– Но и волнующим тоже.

– Так вот чего вы ищете – волнения?

На лице его появилась улыбка.

– Нет, я ищу удовольствия, миледи.

– Простите? – Калли приподняла одну бровь, думая о том, что ей следует пресечь подобный разговор, потому что он явно принимал нежелательный оборот, но она не могла побороть искушения, поощряемая словами и улыбкой незнакомца.

– Именно так, удовольствия танцевать с вами, – продолжал он, весело поблескивая глазами. У Калли не оставалось сомнений, что он догадался о ходе ее мыслей.

Зазвучали первые аккорды вальса, и мужчина привлек Калли ближе. Сердце ее билось в три раза быстрее обычного, потому что танцевать вальс с незнакомцем представлялось ей еще более дерзким, чем контрданс³. Вальсируя, они находились слишком близко друг к другу, и его рука обнимала ее стан. Это очень интимный танец, который в некоторых консервативных деревенских сообществах находился под запретом. Даже здесь, в Лондоне, Калли редко вальсировала с мужчиной, с которым никогда прежде не танцевала. И уж точно она никогда не делала этого с человеком, о котором не знала ничего, даже его имени.

Но Каландра не могла отрицать, что, несмотря на необычность ситуации, ей нравилось ощущать себя в руках этого мужчины. Она уверяла себя, что волна жара, заливающая ее шею и лицо, всего лишь следствие разгоряченности танцем.

Сначала они не разговаривали. Калли полностью сосредоточилась на том, чтобы подстроиться под движения партнера. Она чувствовала себя почти так же, как в год, когда была дебютанткой и, танцуя, боялась сделать неверный шаг или показаться неловкой. Однако быстро обнаружила, что ее партнер – превосходный танцор: он идеально чувствовал музыкальный ритм, рукой уверенно приобнимая ее за талию. Девушка расслабилась и полностью отдалась танцу. Она даже осмелилась взглянуть на своего партнера.

Калли обнаружила, что он тоже на нее смотрит, и от этого открытия у нее перехватило дыхание. Глаза его были серыми, цвета грозового неба в сумерках, а взгляд пронзительным. Калли почувствовала, что тонет в глубине этих глаз. Мужчина находился настолько близко к ней, что ей были отчетливо видны его густые черные ресницы, скрывающие таящееся в глазах выражение. Кто же он такой? Она была абсолютно уверена, что не знает этого мужчину, ведь ни один костюм не смог бы так хорошо замаскировать кого-то из ее знакомых. Тем не менее как же могло случиться, что она ни разу не встречалась с ним за последние пять лет?

Был ли он чужаком, воспользовавшимся балом-маскарадом, чтобы проникнуть в общество, куда вход ему был запрещен? Но леди Оделия, кажется, его узнала, поэтому предположение Калли было неверным. Тогда он, очевидно, был затворником, не терпящим высшее общество и обычно сторонящимся светских приемов. Но почему же он в таком случае пришел на этот бал? Несомненно, его манеры не соответствовали робкому, любящему одиночество человеку.

Могло ли быть так, что последние пять лет этот мужчина провел за границей? Возможно, он солдат или морской офицер? Или служит в министерстве иностранных дел. Или просто обожает путешествовать.

Она улыbnулась своим причудливым мыслям. Конечно же объяснение окажется самым что ни на есть тривиальным. В конце концов, она не знала в лицо каждого представителя высшего света.

– Мне нравится это видеть, – сказал ее партнер.

– Что именно? – спросила озадаченная Калли.

– Улыбку на вашем лице. Вы так упорно хмурились, глядя на меня, что я уж было решил, что оказался у вас в немилости, даже не имея счастья познакомиться с вами.

– Прошу прощения... – начала было девушка, но тут осознала смысл сказанных им слов. – Значит, вы подтверждаете, что мы незнакомы.

---

³ Контрданс – народный английский танец типа кадрили; в начале XVIII века получил распространение во Франции, затем в других европейских странах; в контрдансе танцующие образуют две линии, лицом друг к другу – мужскую и женскую.

– Да, подтверждаю. Я вас не знаю. Уверен, что узнал бы женщину с внешностью, подобной вашей... даже в маскарадном костюме. Вашу красоту невозможно скрыть.

Калли с удивлением почувствовала, что краснеет. Ведь она уже не юная девушка, смущающаяся при малейшем галантном замечании в свой адрес.

– Так же, как и ваше заигрывание со мной.

– Ваши слова глубоко ранили меня. Я-то полагал, что немало преуспел в этом искусстве. Против воли Калли улыбнулась и покачала головой.

– То, что мы незнакомы, легко исправить, – продолжил он мгновение спустя. – Просто назовите мне ваше имя, а я вам – свое.

Каландра снова качнула головой. Несмотря на любопытство, она находила неизъяснимое удовольствие в том, чтобы танцевать и флиртовать с этим незнакомцем, не боясь быть узнаваемой. Ей не нужно было беспокоиться о своих мотивах или его намерениях. Ей не нужно было взвешивать каждое слово или гадать – заигрывает ли он с *ней* или с наследницей большого состояния? Даже те мужчины, которым не нужны были ее деньги, знали о ее богатстве. Для них ее происхождение и состояние являлись такой же неотъемлемой частью ее самой, как и ее смех или улыбка. Она никогда не узнает, какие чувства эти мужчины испытывали к ней, будь она просто дочерью джентльмена, а не сестрой герцога. Калли подумала, как приятно ей сознавать, что этот мужчина видит только *ее*, и именно она его привлекает.

– Ах нет-нет! – воскликнула она. – Мы не должны открывать друг другу наши имена, ведь тогда развеется атмосфера тайны. Не вы ли сами мне только что сказали, что именно в этом и состоит цель маскарада – в загадочности и захватывающем ощущении оставаться неузнанным?

Он засмеялся:

– Действительно, прекрасная дама, вы сразили меня наповал моими же собственными словами. Как вы считаете, разве справедливо, чтобы такая красавица оказалась наделенной столь живым умом?

– А вы, как я понимаю, привыкли выигрывать споры, – заметила Калли.

– Временами я не прочь потерпеть поражение. Но не в этот раз. Будет очень жаль, если я потеряю вас.

– Потеряете меня, сэра? Как можно лишиться того, чем не обладаешь?

– Я потеряю шанс увидеть вас снова, – пояснил он. – Как же мне найти вас, даже не зная вашего имени?

Калли наградила его кокетливым взглядом:

– У вас так мало веры в собственные силы? Не сомневаюсь, вы сумеете изыскать способ.

Он усмехнулся в ответ:

– Миледи, ваша вера в мои способности стала для меня высшей наградой. Но вы же намерены мне, в каком направлении вести поиски, не так ли?

– Ничуть не бывало, – весело парировала Калли. Она вдруг осознала неизъяснимую прелесть не быть собой, не задумываться о том, как отразятся сказанные ею слова на репутации ее брата или на чести семьи. Было действительно забавно на несколько минут превратиться в молодую женщину, флиртующую с привлекательным джентльменом.

– Полагаю, мне придется оставить всякую надежду, – вздохнул ее партнер. – Тогда, по крайней мере, скажите мне, кого вы изображаете.

– Разве вы сами не можете отгадать? – с притворным возмущением воскликнула девушка. – Ох, сэра, вы глубоко задели мои чувства. Я-то полагала, что мой костюм говорит сам за себя.

– Вы облачены в костюм дамы эпохи Тюдоров, – задумчиво произнес ее кавалер. – Но не времени правления королевы Елизаветы в исполнении леди Пенкалли. Скорее периода предыдущего монарха, Генриха VIII, я бы сказал.

Калли склонила голову.

– Вы совершенно правы.

– Но вам больше подошел бы костюм королевы, – продолжал мужчина.

Она одарила его поистине монаршим кивком.

– Без сомнения, вы изображаете искусительницу Анну Болейн.

Девушка тихонько засмеялась:

– Боюсь, вы выбрали не ту королеву. Я не из тех, кто теряет голову из-за мужчины.

– Катерина Парр. Ну конечно! Мне следовало бы догадаться. Прекрасная настолько, чтобы завоевать сердце короля, и умная настолько, чтобы удержать его.

– А что насчет вас? Вы представляете какого-то конкретного роялиста или просто одного из сторонников Карла?

– Просто роялиста. – Он сморщил нос. – Это была задумка моей сестры – и у меня возникло предчувствие, что она всего лишь пошутила, предложив мне этот образ.

– Но у вас должны были бы быть длинные волосы, – заметила Калли. – Возможно, пышный парик.

Он рассмеялся:

– Нет. Парик я отверг. Она пыталась меня уговорить, но в этом я оставался непреклонным.

– Ваша сестра также присутствует на балу? – спросила девушка, обводя глазами зал. Возможно, она знакома с его сестрой.

– Нет. Я навестил ее по пути в Лондон. Она не приедет сюда до начала сезона. – Мужчина воззрился на нее веселым взором. – Пытайтесь отгадать, кто я?

Калли улыбнулась:

– Вы поймали меня с поличным, сэр.

– Должен заметить, что проще всего получить информацию из первых уст. Итак, меня зовут...

– Ах нет, это будет нечестно. К тому же я все равно узнаю ваше имя, когда вы выясните, кто я, и нанесете мне визит.

– Вот как? – Брови его удивленно поползли вверх, а глаза озарились особым светом. Он серьезно спросил: – Вы даете мне разрешение нанести вам визит?

Калли склонила голову и притворилась, будто задумалась. В действительности она и сама была несколько удивлена тем, что сказала. Она и не думала о подобной возможности, но слова сами слетели с языка. С ее стороны было опрометчиво позволять кому-то, с кем она даже не успела толком познакомиться, нанести ей визит – особенно до того, как он сам спросил об этом. Получается, что она стала *инициатором* этой идеи. Ее бабушка, ревностная сторонница соблюдения правил, пришла бы в ужас. Вероятно, Калли следовало бы отказаться от своих слов, но она осознала, что не имеет ни малейшего намерения этого делать.

– Почему бы и нет, – с улыбкой ответила она. – Полагаю, вы так и сделаете.

Вальс вскоре закончился, и Каландра ощутила укол сожаления, когда ее новый знакомый увел ее с танцевальной площадки. Он поклонился ей и, на краткое мгновение прикоснувшись губами к ее руке, оставил.

Она не могла почувствовать его губы на своей коже из-за перчатки, но внутренне вся вспыхнула. Наблюдая за его удаляющейся спиной, она снова задалась вопросом, кто же этот интересный мужчина.

Нанесет ли он ей визит, гадала она. Ощутил ли он то же влечение, что и она? Не попадет ли в беду, пытаясь выяснить ее имя? Или он просто флиртовал с ней, и его единственным намерением было весело провести время? Калли знала, что ей нужно всего лишь спросить сведущего человека, и она узнает его имя, но неожиданно поняла, что лучше оставить все как есть. В неосведомленности таилась особая притягательность, томительное ожидание возможного визита.

Ей не пришлось долго раздумывать над тайной мужчины в костюме роялиста, потому что все ее танцы были расписаны, и весь следующий час она не знала и минуты передышки. Когда Каландра взяла небольшой перерыв, чтобы отдохнуть, потягивая пунш, и поболтать с Франческа, она заметила приближающуюся к ней бабушку. Пожилая леди тащила за руку какого-то серьезного вида мужчину с волосами песочного цвета.

Девушка чуть слышно застонала.

– Что случилось? – спросила Франческа, обеспокоенно глядя на нее.

– Всего лишь моя бабушка с очередным претендентом, полагаю.

Теперь и леди Хостон заметила вдовствующую герцогиню.

– А, понимаю.

– Она просто одержима идеей выдать меня замуж в ближайшее время. Полагаю, боится, что если я не обручусь в нынешнем сезоне, то остаток жизни проведу старой девой.

Франческа снова посмотрела на приближающуюся к ним пару.

– Что же, она считает, Альфред Карберри – подходящая для вас партия? – нахмурившись, протянула она.

– Думаю, ее саму он вполне устраивает, – ответила Калли. – У него есть шанс унаследовать графский титул, несмотря на то что его дед жив и здоров, не говоря уж о его отце. Полагаю, раньше шестидесяти лет титула ему не дожждаться.

– Но он же невыносимо скучный тип! – воскликнула Франческа. – Впрочем, как и все Карберри. Подозреваю, что, живя в графстве Нортумберленд, иным человеком просто и быть нельзя, но не думаю, что вы найдете свое счастье, выйдя за него замуж.

– Несомненно, но, видите ли, он очень уважаемый человек.

– Вероятно, именно это и делает его таким скучным.

– Зато мою бабушку вполне устраивает.

– К тому же ему уже под сорок.

– Да, но считается, что мужчины моего возраста чересчур легкомысленны. Они могут пойти на попятную или совершить какой-то иной неблагоприятный поступок. Поэтому бабушка предпочитает им тех, кто грузен и скучен – и, разумеется, родом из хорошей семьи. Богатство считается у нее положительным качеством, но она не особо обращает на это внимание.

Франческа улыбнулась:

– Боюсь, ваша бабушка обречена на разочарование.

– А я обречена на новую порцию нотаций с ее стороны. Она всю зиму только этим и занимается.

– Ах, милая моя, – с сочувствием произнесла Франческа. – Возможно, вам следует погостить у меня. Мой дворецкий получил строгий приказ не пускать в дом скучных солидных мужчин – и женщин тоже.

Калли рассмеялась и, прикрыв раскрытым веером рот, произнесла чуть слышно:

– Не позволяйте бабушке узнать об этом, в противном случае она не разрешит мне приехать к вам.

– Каландра, дорогая, вот и ты. Не танцуешь? И леди Хостон здесь. Прекрасно выглядите, как всегда.

– Благодарю, герцогиня, – приседая в реверансе, ответила Франческа. – Вы тоже в превосходной форме.

И она ничуть не покривила душой, потому что бабушка Калли со своими зачесанными в высокую прическу белоснежными волосами и стройной фигурой действительно все еще оставалась привлекательной женщиной. Калли знала, что в молодости ее бабушка была настоящей красавицей, и считала, что ей очень повезло, что герцогиня обладала утонченным вкусом в одежде и никогда не придиралась к выбранным внучкой нарядам – за исключением нескольких

случаев в ее первый сезон, когда та не позволила Калли надеть платье иного, нежели белого, цвета.

– Спасибо, дорогая. – Герцогиня одарила ее царственной улыбкой, принимая комплимент как должное. – Вы ведь знакомы с достопочтенным Альфредом Карберри, не так ли? – Она повернулась к стоящему рядом с ней мужчине и незаметно переместилась таким образом, чтобы он оказался рядом с ее внучкой.

Герцогиня продолжила исполнять ритуал знакомства:

– Леди Хостон. А это моя внучка леди Каландра. Расскажите мне, леди Хостон, как поживает ваша матушка? Нам с вами нужно по-дружески поболтать, ведь, клянусь, мы не встречались с самой свадьбы лорда Лейтона.

Она взяла Франческу под руку и отвела ее в сторону, оставив внучку с мистером Карберри. Снисходительно улыбнувшись, она заметила им:

– Без сомнения, вам, молодые люди, будет скучно слушать, как мы сплетничаем. Почему бы вам, мистер Карберри, не пригласить леди Каландру на танец, пока мы с леди Хостон обменяемся новостями?

Франческа, оказавшаяся в компании герцогини, удивленно подняла брови при причислении достопочтенного Альфреда к категории молодых людей, хотя он был, по крайней мере, на семь или восемь лет старше ее. Понимала она и то, что герцогине удалось перехитрить ее, и не могла не восхититься мастерством пожилой дамы. Франческа позволила ей увести себя, послав Калли озорной взгляд.

Девушка чопорно улыбнулась и произнесла:

– Вам вовсе не обязательно танцевать со мной, сэр, только потому, что бабушка...

– Глупости, моя девочка, – перебил ее мистер Карберри шутливо-дружеским тоном, которым обычно разговаривал со своими молоденькими родственницами. – Вы окажете мне честь. Мы отлично проведем время, а?

Калли сдалась, решив, что, танцуя с этим человеком, сумеет избежать разговора. С радостью она обнаружила, что им к тому же предстоит энергичный контрданс, не предполагающий беседы. Калли поймала себя на том, что высматривает в людской толпе шляпу с пером мужчины в костюме роялиста.

После танца она едва успела выслушать благодарности мистера Карберри, как ее вниманием завладел следующий партнер, мистер Уотерс. Девушка была знакома с ним лишь поверхностно, видела его до этого бала всего один раз и подозревала, что он охотник за состоятельной женой, но, по крайней мере, он слыл интересным собеседником и искусным танцором.

Когда танец окончился, мистер Уотерс предложил пройтись по залу, и Калли согласилась. Время близилось к десяти часам, и это означало, что танцы на исходе и скоро гостей пригласят перейти в расположенный напротив малый бальный зал, где накрывали стол к ужину. Девушка страшилась, что бабушка подберет ей какого-нибудь «подходящего» кавалера в качестве сопровождающего на трапезу, и предпочла некоторое время провести вдали от ее глаз.

Они стали обходить зал по периметру, и ее спутник делал общие замечания о великолепии бала, благозвучии музыки и о том, как жарко стало в комнате после танцев. Он остановился у одной из дверей, ведущих на террасу, открытой для того, чтобы в помещение проникал прохладный вечерний воздух.

– Ах, как здесь хорошо, – заметил мистер Уотерс. – Я так разгорячен танцем.

Калли рассеянно кивнула, отметив про себя, что, возможно, этот человек не такой уж и интересный собеседник, как ей казалось. Она осмотрелась и наконец заметила бабушку. Пожилая дама увлеченно беседовала с лордом Померансом, и девушке с трудом удалось подавить стон. Неужели герцогиня намерена навязать ей общество этого несносного краснобая! Он был моложе мистера Карберри, но отличался непомерным чувством собственной значимости и

непоколебимой уверенностью в том, что окружающим бесконечно интересно узнать о каждой минуте его существования.

– Как правы те двое, – продолжал мистер Уотерс.

– Простите? – не поняла Калли, все еще наблюдающая за своей бабушкой.

Ее спутник кивком указал на террасу:

– Не выйти ли нам подышать свежим воздухом?

– Да, пожалуй.

Герцогиня уже обводила глазами комнату, стараясь отыскать свою внучку. Калли поспешно повернулась к ней спиной.

– Совершенно с вами согласна, – быстро произнесла она, – нам необходим глоток кислорода.

Она проскользнула в дверь, и ее удивленный спутник, секунду поколебавшись, последовал за ней с ухмылкой на губах.

Калли быстро прошла в глубь темной террасы подальше от ярко освещенного бального зала. Морозный воздух охлаждал ее обнаженные плечи и шею, но, разгоряченная танцами, она с радостью приняла эту перемену. Дойдя до перил, ограждающих верхнюю террасу, девушка остановилась так, чтобы не попасть в поле зрения герцогини, случись той заглянуть в открытую дверь.

– Прошу меня извинить, – с улыбкой сказала Калли мистеру Уотерсу. – Вы, должно быть, сочли меня сумасшедшей из-за того, что я так поспешно кинулась сюда.

– Не сумасшедшей. Импульсивной – возможно, – ответил он, подходя ближе и беря ее за руку. – Полагаю, вы так же, как и я, пожелали уединиться.

Калли в немом изумлении взирала на то, как он поднес ее затянутую перчаткой руку к губам и поцеловал.

– Я не сразу это понял, – произнес мистер Уотерс. – Я, конечно, надеялся, но и помыслить не мог, что вы можете ответить мне взаимностью.

– Что? – Девушка хотела было выдернуть руку, но он держал ее слишком крепко.

Калли осознала, какую ошибку совершила, стараясь скрыться от бабушки и ее хитроумных уловок.

Коснись дело любого другого джентльмена, которого она хорошо знала, ее поступок мог быть расценен по-иному. Над ее затруднительным положением посмеялись бы и непременно предложили бы помощь. Но мистер Уотерс, несомненно, сделал неверные выводы... или просто расценил ситуацию как подходящую, чтобы упрочить свое положение в ее глазах. Калли снова вспомнила свои давние подозрения о том, что этот мужчина всего лишь охотник за богатством.

Она сделала шаг назад, но он последовал за ней, все еще держа ее руку и глядя на нее с лихорадочным блеском во взоре.

– Я хочу открыть вам тайну своего чувства. Сердце мое пылает огнем любви...

– Нет! Мистер Уотерс, боюсь, вы неправильно меня поняли, – твердо произнесла Калли. – Умоляю, отпустите мою руку.

– Не раньше, чем получу ваш ответ. Леди Каландра, заклинаю, сделайте мои мечты...

– Мистер Уотерс, остановитесь! – Ей, наконец, удалось высвободиться из его хватки. – Приношу свои извинения за то, что дала вам повод сделать ложные выводы, но прошу вас, давайте закончим этот разговор.

Она хотела уйти с террасы, но Уотерс удержал ее, принудив оставаться на месте.

– Нет, послушайте меня! – воскликнул он. – Я люблю вас, Каландра. Мои душа и сердце томятся вами. Молю, скажите, что я вам не безразличен, что вы чувствуете искру, которая...

– Немедленно прекратите! – приказала девушка. – Давайте просто вернемся в зал и забудем о том, что здесь произошло.

– Я не хочу забывать, – объявил он. – Каждое мгновение, проведенное в вашем обществе, для меня бесценно.

Калли сжала зубы. Его витиеватые фразы резали слух, и с каждой минутой она все больше утверждалась в мысли, что мистер Уотерс говорит неискренне. Этому мужчине была интересна не она сама, а ее солидное приданое, поэтому девушка больше не волновалась о том, как бы не ранить его чувства.

– Держу пари, вы и сами захотите забыть о том, что случилось, если я поставлю в известность своего брата! – произнесла она резким тоном, одновременно пытаясь высвободиться и уйти.

Мистер Уотерс сильнее сжал ее руки, не давая ускользнуть. Он ухмыльнулся, сбросив личину влюбленного с той же легкостью, что и надел ее.

– Ваш брат? – с насмешкой в голосе произнес он. – Собираетесь рассказать герцогу о том, как флиртовали со мной на террасе? Что же вас останавливает? Вперед! Сообщите ему. Полагаю, он немедленно настоит на нашей помолвке.

– Очень глупо с вашей стороны так думать, – парировала Калли. – Я с вами не флиртовала. Вам очень повезет, если ваша голова останется на ваших плечах, когда мой брат узнает о вашем поведении.

– В самом деле? – В глазах его появился опасный блеск. – И он с готовностью разделается со мной, невзирая на то, что это может разрушить вашу репутацию?

Уотерс привлек девушку к себе и склонился, чтобы поцеловать.

С губ Калли сорвался крик гнева и негодования, и она попыталась оттолкнуть обидчика, одновременно извиваясь в его руках и отворачивая от него лицо. В пылу борьбы она ударила ему по голени.

Уотерс выругался, пытаясь совладать с Каландрой, и потащил ее через террасу, намереваясь прижать к стене. Через тонкую ткань платья девушка спиной ощутила грубый камень. Она вцепилась в рубашку докучливого кавалера, намереваясь биться до последнего. Нечестивец театрально застонал от удовольствия.

В следующее мгновение неведомая сила оторвала его от девушки – это мужчина в костюме роялиста обхватил Уотерса за шею и, притянув к своей широкой груди, принялся с силой сжимать. Его пленник судорожно хватал ртом воздух.

– Что? – угрожающе-спокойным тоном произнес роялист, продолжая душить противника.

Уотерс выпучил глаза, безуспешно пытаясь высвободиться.

– Нечего сказать, приятель? Куда же делась твоя удаль, стоило тебе встретить достойного противника, а не беззащитную женщину?

– Прошу вас, не задушите его, – дрожащим голосом произнесла Калли, отходя от стены.

– Уверены? – с сомнением протянул спаситель, глядя на нее сверху вниз. – Думаю, никто не станет сожалеть о потере столь недостойного человека.

– Леди Оделии не понравится обнаружить труп на своей террасе во время празднования дня рождения, – сухо пояснила девушка.

Он ухмыльнулся, но хватку ослабил:

– Хорошо. Раз вы настаиваете, я его отпущу.

Уотерс шумно задышал.

– Ты пожалеешь... – начал он, но роялист снова сдавил его горло, не дав договорить.

– Уже жалею, – ответил спаситель Калли.

Убрав руку с горла Уотерса, он схватил его за плечи, подтащил к перилам террасы и опасно наклонил вниз.

– Возможно, ты незнаком с особенностями архитектуры особняка леди Пенкалли, а вот я – знаком. Расстояние от этой террасы до сада внизу порядка двадцати футов, и я бы на твоём

месте подумал об этом, прежде чем снова угрожать мне или этой молодой даме. Леди Пенкалли, несомненно, не понравится, если кто-то случайно упадет в темноте с ее террасы прямо в разгар торжества. Однако спешу уверить, она быстро оправится от этого потрясения, и никто не станет задавать лишних вопросов по поводу подвыпившего гостя, заблудившегося в темноте и оказавшегося на каменной дорожке внизу. Никто не подвергнет сомнению мою версию событий, потому что ты – увы! – будешь мертв. Я достаточно ясно выразился?

Уотерс молча кивнул, глядя на него широко раскрытыми глазами.

– Вот и хорошо. Значит, мы поняли друг друга. – Роялист отступил на шаг, давая противнику возможность обрести равновесие, но еще не отпустив его окончательно. Глядя Уотерсу прямо в глаза, он продолжал: – Если я когда-либо услышу хоть одно слово об этом инциденте или какой-либо шепоток сплетен касательно этой дамы, я буду точно знать, кто зачинщик. Я приду и разберусь с тобой. Поэтому предлагаю держать рот на замке. Мне кажется, ты поступишь очень разумно, немедленно покинув Лондон. Продолжительное пребывание в сельской местности определенно пойдет тебе на пользу. Мои слова понятны?

Уотерс поспешно кивнул, не смея глядеть на мужчину или Калли.

– Вот и отлично. А теперь иди.

Роялист убрал руки, и Уотерс стремглав метнулся прочь, ни разу не оглянувшись. Спаситель Калли повернулся к ней.

– Вы в порядке? Он не сделал вам больно?

Девушка покачала головой, дрожа всем телом, так как внезапно почувствовала, что ей очень холодно.

– Нет, со мной все хорошо. Благодарю вас. Я... – Задохнувшись, она не сумела закончить фразу.

– Вы замерзли. – С этими словами он снял свой плащ и накинул ей на плечи.

– Спасибо. – Завязав накидку, она посмотрела на мужчину. Глаза ее горели в неверном свете, в них стояли слезы.

Роялист вздохнул:

– Вы прекрасны. Не удивлен, что тот невежа вознамерился воспользоваться вами в своих интересах. Не следует вам оставаться наедине с подобными типами.

– Знаю. Я поступила неосмотрительно. – Калли робко улыбнулась ему. – Я не настолько наивна, чтобы выходить на террасу с человеком, которого едва знаю. Я... я просто пыталась ускользнуть от бабушки.

– Ускользнуть от бабушки? – переспросил он, и глаза его озорно блеснули. – Что же – она такая злобная?

– Нет. Просто иногда ведет себя как сводня.

– Ах, вот оно что. – Он кивнул: – Понимаю. Сводня-бабушка – это почти так же плохо, как и сводня-матушка.

Калли улыбнулась:

– Мне очень повезло, что вы подоспели в нужный момент. Я до конца жизни у вас в долгу. Благодарю вас, что спасли меня. – Она торжественно протянула руку.

Мужчина осторожно пожал ее руку, а затем запечатлел на тыльной стороне поцелуй.

– Рад оказаться вам полезным. Но везение здесь ни при чем. Я видел, как он повел вас к двери, и его вид мне не понравился.

– Вы наблюдали за мной?! – воскликнула Калли. На душе у нее потеплело при мысли о том, что он искал ее в толпе гостей так же, как и она его.

– Я уже начал пересекать комнату, чтобы пригласить вас еще на один танец, – пояснил роялист, – но в этот момент музыканты прекратили играть, и я понял, что пришло время ужина. А этот тип умыкнул вас.

– Было очень мило с вашей стороны последовать за нами.

– Любой мужчина на моем месте поступил бы так же.
– Нет, – с улыбкой возразила девушка. – Далеко не любой. – Она заметила, что они все еще держатся за руки. – Моя рука все еще в вашей руке, сэр.
– Да, я знаю. Хотите, чтобы я отпустил? – произнес роялист глубоким чувственным голосом.

Калли посмотрела ему прямо в глаза, и внутри у нее все затрепетало.

– Я... нет, не особенно.

– Вот и хорошо, потому что я тоже этого не хочу. – Большим пальцем он погладил тыльную сторону ее ладони, и Калли всем своим существом ощутила воздействие его прикосновения. – Полагаю, теперь, когда отослал этого мерзавца паковать вещи, я могу рассчитывать на маленькую любезность с вашей стороны?

– Какую любезность? – затаив дыхание спросила Калли.

Мужчина стоял настолько близко к ней, что она чувствовала тепло его тела и едва уловимый запах одеколона. Сердце девушки заполошной птицей билось в грудной клетке, но не от страха, как мгновения назад, а от предвкушения.

– Откройте мне ваше имя, миледи.

– Каландра, – чуть слышно отозвалась она.

– Каландра, – мягко повторил он, растягивая гласные. – Воистину магическое имя.

– Не такое уж оно и магическое, – возразила девушка. – Близкие люди называют меня

Калли.

– Калли. – Свободной рукой он потер подбородок. – Оно вам очень подходит.

– Теперь мы в неравном положении, потому что я не знаю вашего имени.

– Бромвель. Близкие люди называют меня просто Бром.

– Бром, – выдохнула девушка.

Кожу ее от его прикосновения покалывало, и по всему телу растекались волны изысканного удовольствия.

– Произнесенное вами, оно звучит особенно мило. – Мужчина провел большим пальцем по нижней губе Калли, отчего девушка ощутила, как внизу живота разливается тепло. Его глаза, таинственно поблескивая, следовали за движением его пальца.

Бромвель склонился ниже, и Калли поняла, что он собирается поцеловать ее, но не стала отстраняться. Напротив, она отважно потянулась навстречу его губам.

Когда их губы встретились, девушка вдруг почувствовала жар, словно все тело ее охватило пламя. Она задрожала, каждой клеточкой тела ощущая и одобряя медленное восхитительное движение его рта. Ничего подобного ей никогда не доводилось испытывать. Хотя одному или двум мужчинам прежде и удавалось похитить ее поцелуй, они не могли сравниться с поцелуем Бромвеля – таким легким и обжигающим, бархатистым и настойчивым. И никто раньше не делал того, что сделал он, – раздвинул ее губы языком, одновременно пугая и воспламеняя ее.

Калли тихонько вскрикнула от удивления и инстинктивно обвила его шею руками, привлекая к себе, в то время как он обхватил ее стан и крепко прижал к своей крепкой груди. Элегантное перо его шляпы щекотало ей щеку, и это прикосновение тоже воспламеняло чувствительную кожу девушки. Бромвель издал нетерпеливый возглас и, резким движением сорвав с головы шляпу, отбросил ее прочь, еще сильнее впиваясь губами в губы девушки.

Калли судорожно вцепилась в его роскошный камзол, не доверяя собственным ногам. Ей казалось, что ее подхватил дикий водоворот желания и страсти, одновременно и возбуждающий ее, и пугающий, и наполняющий небывалой, невиданной ранее силой. Она ощущала исходящее от тела Бромвеля тепло, обволакивающее ее со всех сторон.

Внезапно он поднял голову, глубоко вздохнул и, схватив ее полумаску двумя пальцами, снял ее, открыв лицо девушки.

– Ты такая красивая, – выдохнул он, сдергивая собственную маску.

Калли воззрилась на мужчину, с изумлением отмечая, что его лицо, не скрытое маской, показалось ей еще более притягательным: высокие скулы, волевая линия подбородка, черные брови над большими серыми глазами. С несвойственной ей поэтичностью девушка подумала о том, что у него лицо ангела – но не того милого малыша, резвящегося на мягком облаке, а скорее свирепого архангела, стоящего на страже у райских врат с пылающим мечом в руке.

– И ты тоже, – откровенно ответила она и тут же покраснела от собственной прямолинейности.

С его губ сорвался смешок.

– Моя дорогая Каландра... для вас слишком опасно находиться со мной наедине.

– Хотите сказать, что мне не следует доверять вам? – спросила она.

– Думаю, девушке с такой внешностью, как у вас, и такой пылкостью чувств опасно доверять любому мужчине, – хрипло отозвался Бромвель. Медленно проведя ладонью по ее руке, он неохотно отстранился и сделал шаг назад. – Пора возвращаться.

Он вернул ей маску, и Калли снова ее надела. Ей ненавистна была мысль о возвращении, о том, что нужно уйти от него и от неизведанных ощущений, которые она только что испытала. Тем не менее его слова лишь укрепили ее в ее чувствах к этому мужчине. Она одарила его улыбкой:

– Возможно, вы желаете узнать мое полное имя.

– Это упростило бы мне задачу, – с усмешкой согласился он. – Но, поверьте мне, я в любом случае разыщу вас.

– Тогда вам следует обратиться к...

В этот момент раздался голос ее брата:

– Калли? Каландра!

Девушка поспешно обернулась и осмотрела длинную террасу. Герцог стоял у самой двери, пристально глядя в темноту. Нахмурившись, он сделал шаг вперед и снова позвал сестру по имени.

– Проклятье! – чуть слышно пробормотала она, и брови ее кавалера удивленно взметнулись вверх при столь неподобающем высказывании из уст молодой леди.

Он подавил смешок.

– Вы не хотите его видеть?

– Это мой брат, – пояснила Калли. – Он, несомненно, беспокоится за меня. Что ж, не будем заставлять его ждать. Давайте сразу покончим с этим делом. – Она пошла вперед с уверенностью человека, никогда в жизни не получавшего наказания строже выговора.

Бромвель лишь пожал плечами и устремился за девушкой, быстро поравнявшись с ней в тот самый момент, как она произнесла:

– Я здесь, Сенклер. Все в порядке. Заклинаю, не ругай меня!

Рошфор поспешил к ним. На лице его отразилось облегчение.

– Какого черта ты тут делаешь? С тобой все в порядке?

Когда они вышли на свет, Калли услышала, как ее спутник резко вдохнул и замер на месте. Она вопросительно повернулась к нему, затем перевела взгляд на брата, который, как оказалось, тоже стоял словно громом пораженный.

Рошфор смотрел на мужчину, стоящего подле Каландры, и лицо его перекошилось от злобы.

– Ты! – прорычал он. – Прочь от моей сестры!

Глава 3

Калли изумленно воззрилась на своего брата, ошеломленная столь несвойственной ему грубостью.

– Сенклер! – Она подалась вперед и взяла брата за руку, стараясь успокоить его. – Пожалуйста, успокойся. Ты неправильно расценил ситуацию.

– Я все отлично понял, – резко ответил Рошфор, не отводя взгляда от лица Бромвеля.

– Нет! – вскричала Калли. – Этот человек не причинил мне вреда, наоборот, он *помог* мне.

Она обернулась к своему спасителю, который взирал на ее брата с непроницаемым выражением лица. Подавив вздох разочарования от столь неподобающего поведения мужчин, Калли произнесла:

– Сэр, позвольте мне представить вам моего брата, герцога Рошфора.

– Да, – холодно ответил Бромвель. – Я знаком с герцогом.

– Ах, вот как. – Калли переводила взгляд с одного лица на другое, осознавая, что здесь замешано какое-то неведомое ей чувство, а вовсе не то обстоятельство, что она оказалась на террасе наедине с мужчиной.

– Лорд Бромвель, – ответил Сенклер еще более натянутым тоном. Не глядя на сестру, он приказал: – Каландра, оставь нас.

– Нет, – заупрямилась она. – Сенклер, будь благоразумен. Позволь мне все объяснить.

– Калли! – Голос брата ожег ее, подобно удару хлыстом. – Ты меня слышала. Сейчас же оставь нас.

Девушка покраснела, уязвленная его не допускающим возражений тоном. Брат говорил с ней, как с ребенком, не желающим ложиться спать!

– Сенклер! – воскликнула она. – Не обращай со мной, как...

Он посмотрел ей прямо в лицо:

– Я сказал тебе – возвращайся в зал. Живо.

Калли задохнулась от обиды и гнева, в равной степени ранивших ее. Она хотела было запротестовать, заявив, что брат не имеет права обращаться с ней подобным образом, но поняла, что не стоит устраивать сцену на балу тетушки Оделии. В любой момент кто-то может выйти на террасу или кто-то, находящийся в саду, может услышать их разговор. Девушке совсем не хотелось, чтобы ее жаркий спор с братом получил общественную огласку. Сам факт того, что она подверглась столь вопиющему обращению перед человеком, которого едва знала, огорчил ее.

Взгляд ее метал молнии, но ей пришлось проглотить рвущиеся резкие слова. Сдержанно кивнув лорду Бромвелю, она развернулась и вихрем пронеслась мимо Рошфора, не удостоив его ни единым словом.

Герцог стоял, молча взирая на противника до тех пор, пока Каландра не оказалась вне досягаемости. Затем голосом спокойным и одновременно твердым как железо он произнес:

– Оставьте мою сестру в покое!

Бромвель скрестил руки на груди и изумленно воззрился на герцога.

– Как странно наблюдать столь искреннюю заботу герцога Рошфора о чести молодой дамы. Однако, полагаю, ситуация кажется иной, когда эта дама – *сестра* герцога, не так ли?

Бросив на Рошфора сардонический взгляд, Бромвель хотел было удалиться, но герцог задержал его, схватив за руку. Бромвель замер, одарив оппонента ледяным взглядом.

– Берегитесь, Рошфор, – тихо произнес он. – Я уже не тот мальчик, каким был пятнадцать лет назад.

– Неужели? – воскликнул граф, убирая руку. – Вы были дураком тогда, но вы десятикратный дурак сейчас, если думаете, что я позволю вам каким-либо образом навредить моей сестре.

– Полагаю, леди Каландра взрослая женщина, Рошфор. А дурак – вы сами, если считаете, что можете повлиять на выбор ее сердца.

Дьявольский огонь вспыхнул в глубине темных глаз герцога.

– Черт тебя побери, Бромвель! Предупреждаю – держись подальше от моей сестры!

Лорд Бромвель посмотрел на Рошфора с решимостью во взоре и ушел, не говоря больше ни слова.

Калли пребывала в бешенстве. Она не могла припомнить, когда в последний раз была так зла на своего брата – или кого-либо иного, – как она была зла сейчас. *Как посмел он говорить с ней так, словно ее отец? Да еще при постороннем человеке! Незнакомце!*

В горле ее стоял комок, слезы застилали глаза, но она решила не плакать, чего бы ей это ни стоило. Она не позволит ни Сенклеру, ни кому-либо еще увидеть, как глубоко ранили ее его слова.

Девушка шла через бальный зал, не глядя по сторонам. Она даже не вполне понимала, куда направляется; ей просто хотелось как можно скорее оказаться подальше от злополучной террасы. Сквозь красную пелену гнева она заметила, что комната в буквальном смысле пуста – отсутствуют даже музыканты на маленькой сцене в дальнем углу.

Ужин. Все гости сейчас находились в малом бальном зале, угощаясь яствами. Калли двинулась было в ту сторону, но в последний момент осознала, что на ее плечи все еще накинут роялистский плащ лорда Бромвеля. Она поспешно распустила завязки и, сняв его, сложила в несколько раз. Только после этого она вошла в малый бальный зал и огляделась.

Наконец Калли удалось отыскать бабушку – та восседала за маленьким столиком в компании леди Оделии и еще одной пожилой дамы. Перед ними стояли нетронутые тарелки с деликатесами. Леди Оделия конечно же что-то вещала. Герцогиня сидела очень прямо, не касаясь спинки стула, и слушала собеседницу с большим вниманием, хотя в глазах ее стояла скука.

Калли подошла к столу, и бабушка, повернув голову в ее сторону, воскликнула:

– Каландра! А вот и ты, наконец. Куда ты пропала? Я нигде не могла тебя найти и послала на поиски Рошфора.

– Да, он меня нашел, – сдержанно ответила девушка. Посмотрев на двух других дам, она обратилась к герцогине: – Бабушка, я хочу сейчас уехать, если не возражаешь.

– Разумеется, нет. – На лице герцогини отразилось искреннее волнение, и она немедленно встала с места. – Ты хорошо себя чувствуешь?

– У... у меня болит голова. – Калли повернулась к тетушке, принуждая себя улыбнуться: – Приношу свои извинения, тетушка Оделия. Бал восхитительный, но мне что-то стало нехорошо.

– Конечно-конечно! Без сомнения, ты просто переволновалась, – чопорно ответила пожилая леди. Она повернулась к своей компаньонке и кивнула ей со знающим видом, отчего ее парик слегка сместился. – Девушки в наши дни не столь выносливы, как мы когда-то. – Она снова обратилась к Калли: – Ступай, девочка.

– Я пошлю лакея найти Рошфора и сообщить ему, что мы хотим уехать, – сказала герцогиня, царственным жестом отсылая одного из слуг.

– Нет! Я хочу сказать... не можем ли мы уехать без него? – спросила девушка. – У меня раскалывается голова. Я уверена, что Рошфор вполне способен самостоятельно отыскать дорогу домой.

– Действительно. – Герцогиня озабоченно всмотрелась в лицо внучки. – Ты и правда раскраснелась. Боюсь, не слегла бы с лихорадкой.

– Уверена, что леди Оделия права. На меня просто обрушилось слишком много новых впечатлений, – ответила Калли. – Во всем виноваты танцы и шум...

– Идем же, – сказала герцогиня, кивая на прощание дамам и направляясь к выходу. Бросив взгляд на руки девушки, она поинтересовалась: – Что это ты держишь, дитя мое?

– Что? Ах, это. – Калли тоже посмотрела на сложенный плащ, и пальцы ее еще сильнее вцепились в материю. – Ничего. Меня просто попросили подержать. Не имеет значения.

Бабушка с подозрением посмотрела на нее, но ничего не сказала, и они молча направились в гардероб.

Миновав двойные двери главного бального зала, они услышали голос Рошфора:

– Бабушка, подожди.

Герцогиня с улыбкой повернулась к нему:

– Рошфор, какая удача, что мы тебя встретили.

– Да, – кратко ответил он. Калли отметила, что он больше не выглядит столь устрашающе, как прежде, но лицо его лишено всякого выражения. Сенклер посмотрел на нее, но она демонстративно отвернулась. – Пора ехать домой.

– Значит, мы уходим только потому, что ты так решил? – вспыхнула Калли.

Герцогиня с любопытством посмотрела на внука и сказала:

– Но, Калли, дорогая, ты же сама только что изъявила такое желание.

– Совершенно согласен, – ответил Рошфор, в упор глядя на сестру.

Калли хотела было опротестовать его тон, так же как и его категоричный приказ, но понимала, что не может сделать это без того, чтобы не поставить себя в глупое положение, поэтому просто склонила голову и отвернулась, не сказав больше ни слова.

– Мне очень жаль, Сенклер, – извинилась за внука герцогиня, – боюсь, она не в себе.

– Согласен, – сардоническим тоном ответил герцог.

Лакей принес их плащи, и, одевшись, они направились к экипажу. По дороге домой герцогиня обменялась с внуком несколькими замечаниями касательно бала, но Калли продолжала хранить молчание. Время от времени бабушка бросала на нее удивленные взгляды, а брат избегал смотреть на нее так же, как и она на него.

Калли понимала, что поступает по-детски, отказываясь общаться с Рошфором, но никак не могла заставить себя держаться как ни в чем не бывало. Девушка не была уверена, что сможет высказать ему чувства, теснившие ее грудь, без того, чтобы не расплакаться, поэтому предпочла не делать этого вовсе. Она предпочла выглядеть глупо или незрело, но не допустить, чтобы он решил, будто причинил ей боль.

Когда экипаж остановился перед домом, Рошфор легко спрыгнул с подножки и протянул руку сначала герцогине, потом Каландре, которая проигнорировала этот знак внимания и прошла мимо него к двери. Она услышала, как брат вздохнул и последовал за ней в холл. Здесь он на мгновение задержался, чтобы передать свою шляпу и перчатки лакею, а девушка сразу прошла к лестнице. Бабушка,двигающаяся не столь проворно, отстала.

Рошфор последовал было через холл по направлению к кабинету, но в последний момент передумал и обернулся:

– Калли.

Она не удостоила его вниманием и поднялась на одну ступеньку.

– Калли, стой! – В голосе его, эхом разносившемся по пустому холлу, звучали стальные нотки. Словно испугавшись произведенного им шума, он продолжил чуть тише: – Каландра, пожалуйста! Ты ведешь себя глупо. Мне нужно поговорить с тобой!

Девушка развернулась, глядя на него со ступеньки, на которой стояла.

– Я иду спать, – холодно сообщила она.

– Прежде мы должны все обсудить, – ответил он. – Иди сюда. Пройдем в мой кабинет.

Темные глаза Калли, столь похожие на глаза ее брата, вспыхнули от гнева, который она сдерживала на протяжении последнего получаса.

– Что? Я теперь даже в собственную спальню не могу отправиться без твоего позволения? Мне каждый шаг с тобой согласовывать?

– Черт побери, Калли, ты же знаешь, что дело не в этом! – взорвался Рошфор, принимая угрожающий вид.

– Нет? А мне показалось, на протяжении последнего часа ты только тем и занимаешься, что отдаешь мне приказы.

– Калли! – Герцогиня переводила изумленный взор с герцога на его сестру и обратно. – Рошфор! Что происходит? Что между вами произошло?

– Ничего, о чем следовало бы волноваться, – отрезал он.

– Нет, за исключением того, что мой брат внезапно превратился в деспота! – воскликнула Калли.

Рошфор со вздохом провел рукой по своим темным волосам.

– Черт подери, Калли, тебе отлично известно, что я не таков. Когда это я вел себя деспотично?

– Никогда вплоть до настоящего момента, – язвительно заметила она, смаргивая навернувшиеся на глаза слезы.

Рошфор всегда относился к сестре с заботой и добротой, поэтому ей было невыносимо тяжело смириться с его нынешним поведением. Он всегда был любящим и во всем ей потакающим братом, поэтому Калли очень ценила их отношения, особенно наслушавшись рассказов других девушек о братьях и отцах, отдающих им приказы и требующих беспрекословного подчинения.

– Мне очень жаль, Калли, если я обидел тебя сегодня вечером, – чопорно произнес он, терпеливо-благоразумным тоном лишь больше распаяя сестру. – Прошу прощения, если мое поведение показалось тебе чересчур резким.

– Резким? – У нее вырвался горький смешок. – Вот как ты, значит, определяешь свое поведение? Как резкое? Я бы назвала его скорее повелительным. Или, возможно, деспотичным.

При этих словах черты лица герцога искажила гримаса.

– Как я вижу, ты все неправильно поняла, но, смею напомнить тебе, мой долг – оберегать тебя. Я твой брат, и моя обязанность – заботиться о тебе.

– Я уже давно не ребенок! – вскричала Каландра. – Я и сама в состоянии позаботиться о себе.

– Насколько я могу судить, ты преувеличиваешь собственные силы, – парировал он, – принимая во внимание, что я обнаружил тебя в саду наедине с незнакомцем.

Заслышав подобное замечание, герцогиня ахнула.

– Нет! Калли!

Девушка залилась румянцем:

– Я не была в саду. Мы находились на террасе и не делали ничего плохого. Бромвель повел себя как истинный джентльмен. Он помог мне, если хотите знать. Он спас меня от другого мужчины, который, напротив, оказался совсем не джентльменом.

– Ох! – Бабушка Калли прижала руку к сердцу и раскрыла рот от удивления. – Калли! Ты была наедине с двумя незнакомыми мужчинами в саду?

– Дело происходило на террасе, а не в саду.

– Это не имеет значения, – возразил Рошфор.

– Я сейчас упаду в обморок, – слабым голосом объявила герцогиня, но конечно же не привела угрозу в исполнение. Вместо этого она сделала несколько шагов вперед и встала между Каландрой и ее братом. – Ушам своим не верю, – сказала она внучке. – Как ты могла поступить

столь скандальным образом? Ты совсем обо мне не думаешь! И о семье тоже. Сенклер прав. Конечно же он в ответе за тебя. Он твой брат и глава семьи, поэтому имеет право говорить тебе, что делать, а ты обязана повиноваться. Что заставило тебя оказаться на террасе поздно вечером с мужчиной? Тебя же могли увидеть! Тебе следует быть благодарной, что твой брат поспешил тебе на выручку. С ужасом думаю о том, что могло случиться, не окажись его рядом.

– Ничего бы не произошло. Повторяю тебе, я вела себя благоразумно и не ввязалась в скандальную историю, – ответила Калли, чувствуя, как горят огнем ее щеки.

– Ты находишься под опекой брата до тех пор, пока не выйдешь замуж и не обзаведешься собственным домом, – отрезала герцогиня.

– А потом я попаду под опеку мужа! – пылко воскликнула девушка.

– Ты говоришь, как Ирен Вайнгейт.

– Что ты имеешь против Ирен? – возразила Калли. – Я бы очень хотела быть похожей на нее. В отличие от большинства знакомых мне женщин Ирен, по крайней мере, цельная личность с убеждениями.

– Бабушка, пожалуйста... – начал Рошфор, прекрасно понимая, что вмешательство бабушки не поможет ему урегулировать разногласия с сестрой.

– Как бы то ни было, это не имеет значения, потому что мой брат обращается с моими поклонниками как с преступниками! – гневно воскликнула Калли.

Герцог недобро рассмеялся:

– Бромвель никогда не будет твоим поклонником.

– Уж точно нет, – ответила девушка, – ты же унизил меня на его глазах.

– Бромвель? – удивленно переспросила герцогиня. – Граф Бромвель?

– Он самый.

В глазах пожилой дамы зажглась искорка интереса, но не успела она ничего добавить, как Калли продолжила:

– Что плохого в лорде Бромвеле? Что такого ужасного в том, что я была с ним?

– Ты не должна оставаться на террасе наедине с каким бы то ни было мужчиной, – отрезал Рошфор.

– А почему ты заявляешь, что он никогда не будет моим поклонником? – не сдавалась девушка. – Почему ты вскричал «Ты!», когда заметил его со мной? Почему его кандидатура кажется тебе особенно неподходящей?

Долгое время герцог хранил молчание, потом, пожав плечами, заявил:

– Этот человек мне не друг.

– Что? – Калли удивленно вскинула брови. – Он тебе не друг? Значит, я не могу выйти замуж за кого-то, кто не имеет счастья быть твоим другом? Так за кого бы ты хотел выдать меня? За одного из твоих напыщенных старых приятелей-ученых? За мистера Стретвика, может быть? Или за сэра Оливера?

– Проклятье! Калли, тебе отлично известно, что я не это имел в виду, – вымученно ответил Рошфор. – Тебе вовсе не обязательно выходить замуж за одного из моих друзей, и тебе об этом отлично известно.

– Нет, не известно! – запротестовала она. – Я вообще чувствую, что совсем тебя не знаю. Никогда бы не подумала, что ты можешь повести себя столь деспотично и неуважительно к моим чувствам.

– Неуважительно? – в изумлении повторил он. – Как раз наоборот! Я очень о тебе беспокоюсь.

– Тогда почему ты называешь этого мужчину неподходящим? – настаивала девушка. – Он из неблагополучной семьи? Или его титул недостаточно высок?

– Нет, конечно нет. Он же граф.

– Может, ты считаешь, что он всего лишь охотится за моими деньгами?

– Нет. Он довольно состоятелен, насколько я могу судить. – Губы Рошфора сжались в тонкую линию.

– Граф Бромвель считается завидным женихом, – вмешалась герцогиня. – Он, разумеется, не герцог, но их так мало осталось в наши дни. Никто же не заставляет тебя выходить замуж непременно за члена королевской семьи. Граф вполне подходит на роль твоего мужа, к тому же он из древнего уважаемого рода. – Пожилая дама повернулась к внуку: – Разве он не приходится родственником леди Оделии?

– Да, дальним, – вынужден был согласиться Рошфор. – Проблема не в его генеалогическом древе.

– А в чем же тогда? – воскликнула Калли.

Герцог переводил взгляд с бабушки на сестру и обратно. Наконец он пояснил:

– Это старая история. И совсем не имеющая значения. – Он сжал челюсти. – Я действовал исключительно в твоих интересах, Калли, когда приказал ему держаться от тебя подальше.

– Ты в самом деле так поступил? – в ужасе вскричала девушка.

Он кивнул.

– Да как ты мог? – Она чувствовала, что задыхается, словно получила удар под дых. – Поверить не могу, что ты посмел так меня унижить! Сказать графу, чтобы он не смел приближаться ко мне, будто я неразумный ребенок! Или... или страдаю умственным расстройством. Словно мне недостает здравого смысла, чтобы делать собственные суждения.

– Я этого не говорил! – вскричал герцог.

– Тебе и не надо было, – язвительно заметила Калли. – Это умозаключение неизбежно вытекает из твоего приказа, с кем мне можно, а с кем нельзя общаться. – На глаза ее снова навернулись слезы, но она смахнула их нетерпеливым движением.

– Я действовал из соображения того, что лучше для тебя!

– И поэтому счел возможным решить мою судьбу за меня! – Калли кипела от негодования, сжимая руки в кулаки. Она была взбешена настолько, что едва могла говорить.

Стремительно развернувшись, она стала быстро подниматься по лестнице.

– Калли! – закричал Рошфор, устремляясь было за ней, но остановился на первой ступеньке и с досадой посмотрел ей вслед. Потом он обратился к бабушке, словно ожидая объяснений.

Герцогиня воззрилась на него непроницаемым взглядом, скрестив руки на груди.

– Ты виноват в том, что она ведет себя подобным образом. Потому что ты во всем ей потакал и позволял делать что заблагорассудится. Ты ужасно избаловал сестру, и теперь пожинаешь плоды.

Герцог раздосадованно вздохнул и, отвернувшись от лестницы, направился в свой кабинет.

– Я быстро разберусь с делами в Лондоне, – сообщил он бабушке. – Пожалуйста, распорядись упаковать вещи, чтобы уже послезавтра мы могли вернуться в деревню.

Калли, все еще пребывающая в бешенстве, ураганом ворвалась в свою комнату. Ее горничная Белинда ожидала хозяйку, чтобы помочь раздеться, но была отослана прочь. Каландра слишком сердилась и поэтому не смогла бы стоять, терпеливо ожидая, пока Белинда расстегнет пуговицы ее платья. В любом случае, она не чувствовала себя способной лечь в постель и заснуть.

Горничная озадаченно посмотрела на свою госпожу и выскользнула за дверь, не сказав ни слова. Каландра же принялась расхаживать по комнате, будучи не в силах успокоиться. Через какое-то время за дверью раздались медленные шаги бабушки, а вот более тяжелой поступи брата она так и не услышала. Без сомнения, он укрылся в своей любимой комнате – в кабинете. Возможно, сейчас он спокойно читает книгу или письмо или просматривает отчет, готовясь к

завтрашней встрече со своим торговым агентом. Рошфор уж точно не будет стискивать зубы от бессильной злобы или кипеть от праведного гнева. Он-то считал вопрос решенным.

Калли состроила гримасу и бросилась в кресло, стоящее подле кровати. Она не позволит распорядиться собственной жизнью. Она привыкла считать себя молодой дамой, живущей по своему усмотрению, придерживаясь, разумеется, установленных обществом рамок. Спроси ее кто-нибудь прежде, она без колебаний ответила бы, что вольна делать что заблагорассудится и что она сама хозяйка своей судьбы. Конечно, во многом Калли уступала бабушке, потому что хотела жить с нею в мире и согласии, но при этом чувствовала, что сама принимает такое решение, а не подчиняется чьим-то приказам.

Она шла туда, куда хотела, принимала гостей, которых хотела видеть, и отклоняла неудобные ей приглашения в театр или на светский прием. В ее доме слуги ждали ее распоряжений. Калли покупала то, что ей нравилось, расплачиваясь собственными деньгами, и, хотя счета ее оплачивал агент, она понимала, что просто таков был заведенный порядок. Счета Сенклера погашались таким же образом. Несмотря на то что вложением ее денег заведовал брат, он всегда объяснял ей, что хочет сделать, и спрашивал ее мнения. Калли всегда соглашалась с его предложениями только потому, что считала их разумными. В конце концов, Сенклер занимался делами уже много лет и прекрасно со всем справлялся.

Теперь девушка осознала, что ее видение свободы обернулось иллюзией. Просто прежде ей никогда не доводилось злить брата. Он никогда не перечил ей касательно гостей, покупок или визитов, но то, что она полагала свободой, таковой не являлось. Каландра просто жила в очень большой клетке и никогда не касалась прутьев.

До сегодняшнего дня.

Калли вскочила на ноги. Она уже взрослая; многие женщины ее возраста замужем и даже имеют детей. Ей сейчас на пять лет больше, чем было Сенклеру, когда он унаследовал титул. Она не станет покорно следовать его приказам, ведь это будет означать лишь одно – что она признает главенство брата над собой. Калли решила, что ни за что не станет ложиться в постель, чтобы на следующее утро проснуться и сделать вид, будто ничего не произошло.

Некоторое время она стояла, размышляя, затем устремилась к маленькому бюро, стоящему у стены. Поспешно черкнула записку, подписала ее, затем сложила и скрепила своей печатью. Написав имя брата, она оставила конверт у себя на подушке.

Схватив плащ со стула, куда она небрежно сбросила его раньше, Каландра накинула его на плечи и завязала завязки. Осторожно приоткрыв дверь, выглянула в коридор и осмотрелась. Бесшумно ступая, девушка направилась к лестнице для слуг и, спустившись по ней, оказалась на кухне. Здесь тоже все было спокойно, мальчик-судомойщик спал, свернувшись калачиком, на одеяле у очага. Он даже не пошевелился, когда Каландра на цыпочках прошла мимо него, открыла дверь черного хода и вышла из дома.

Девушка осторожно прикрыла за собой дверь и стала пробираться по узкой дорожке, тянущейся от торца дома на улицу. Бросив взгляд по сторонам, она укрыла голову капюшоном и бесстрашно зашагала вниз по темной улице.

Через дорогу от дома герцога стоял экипаж. Он находился здесь уже несколько минут, и кучер, закутанный в теплое пальто, начал клевать носом. В экипаже сидели двое мужчин. Один из них, мистер Арчибальд Тилфорд, откинувшись на спинку сиденья, со скучающим видом крутил между пальцами свою трость с золотым набалдашником. Напротив него сидел его кузен, граф Бромвель, изучающий через окно темный фасад Лилльского особняка.

– В самом деле, Бром, сколько еще нам тут торчать? – сварливо протянул Тилфорд. – У Ситона меня ожидает бутылочка портвейна и счастливые карты. Да и кирпич, который кучер нам сюда положил для поддержания тепла, остывает. Через десять минут у меня ноги будут как ледышки.

Граф одарил его непроницаемым взглядом.

– Арчи, в самом деле, постарайся взбодриться. Мы стоим здесь едва ли четверть часа.

– Не понимаю, какую цель ты преследуешь, глядя на этот дом, – не унимался его кузен. – Какого черта ты надеешься увидеть в столь поздний час?

– Пока не знаю, – ответил Бромвель, не сводя глаз с особняка.

– Ясно же, что прямо сейчас никто не придет и не уйдет, – продолжал Арчи. – Не понимаю, с чего тебе вздумалось ехать к дому Рошфора. Боже всемогущий, ведь прошло уже пятнадцать лет, разве нет? Я-то думал, ты наконец забыл о герцоге.

Бромвель задумчиво посмотрел на кузена:

– Я никогда не забуду.

Тилфорд лишь пожал плечами, за долгое время общения с Бромвелем научившись игнорировать его взгляд, который большинство людей находили подавляющим.

– Все в прошлом, да и Дафна вышла замуж. – Его кузен промолчал, и тогда Арчи поинтересовался: – Что ты задумал?

– Что тебе известно о сестре Рошфора? – вопросом на вопрос ответил Бромвель.

Арчи резко вдохнул от неожиданности.

– О леди Каландре? – Немного поколебавшись, он произнес, тщательно подбирая слова: – Ты же не планируешь... затеять какую-то игру с сестрой герцога, не так ли? Все знают, что он оберегает ее как дьявол – и ты тоже бы это знал, не похорони себя на десять долгих лет в своем поместье, столь целеустремленно делая деньги.

Бромвель скорчил гримасу:

– Вот уж не думал, что ты станешь возражать против денег, что я сколотил для семьи.

– Боже упаси, – тихо отозвался Арчибальд. – Ты преуспел и теперь, несомненно, можешь с чистой совестью потратить некоторое их количество. Поживи нормальной жизнью ради разнообразия. Разве не для того ты прибыл в Лондон – чтобы хорошо провести время?

Бромвель пожал плечами:

– Полагаю, ты прав.

– Так вот, нормальная жизнь не подразумевает сидение в холодной карете и наблюдение за спящим домом.

– Ты собирался рассказать мне о леди Каландре.

Арчи вздохнул:

– Хорошо. Леди молода, красива и очень богата.

– Поклонники?

– Разумеется. Но она всех их отвергла – по крайней мере, тех, кто набрался храбрости спросить у герцога позволения ухаживать за ней. Говорят, что в семье Лилльс все холодны как рыбы.

Уголки рта Бромвеля изогнулись в усмешке, когда он пробормотал:

– За леди я этой холодности не заметил.

Арчибальд неловко поерзал на сиденье.

– Скажи мне, Бром, о чем ты думаешь?

На его губах появилась легкая улыбка.

– Я думал о том, как занервничал герцог, застав меня сегодня в обществе леди Каландры. Меня это позабавило.

Эти слова, казалось, совсем не убедили его кузена, наоборот, встревожили его еще больше.

– Да герцог из тебя печенку и легкие вытащит, если ты причинишь вред его сестре.

Бромвель искоса поглядел на собеседника:

– Неужели ты и правда считаешь, что я боюсь того, что Рошфор может со мной сделать?

– Нет, черт подери. Уверен, что нет. Но, честно говоря, я боюсь его так, что этого страха с лихвой хватит на двоих.

Граф улыбнулся:

– Не волнуйся понапрасну, Арчи, я не собираюсь вредить девушке. Совсем наоборот... – губы его растянулись в хитрой улыбке, – я намереваюсь вести себя с нею очень галантно.

Тилфорд чуть слышно застонал:

– Так я и знал. Ты все же что-то *замышляешь*. И это плохо кончится, помани мои слова! Пожалуйста, Бром, давай просто уедем отсюда и обо всем забудем, а?

– Очень хорошо, – рассеянно отозвался граф, – я все равно уже увидел все, что хотел.

Он протянул руку к шторке, закрывающей окно, но вдруг резко подался вперед, высматривая что-то в темноте и одновременно делая предупреждающий жест рукой кузену.

– Нет, подожди-ка. Кто-то выходит из дома. Это женщина.

– Служанка? В такой час? – Заинтересовавшийся Арчибальд прильнул к окну со своей стороны. – Думаешь, у нее тайное свидание с каким-нибудь лакеем или...

– Черт подери! – тихо, но выразительно воскликнул Бромвель. – Это сама леди.

Он наблюдал за тем, как женщина накинула на голову капюшон плаща, чтобы скрыть лицо, и направилась вниз по улице. Выхватив из руки Арчибальда трость, граф открыл с ее помощью окошко над головой кучера и дал ему строгие указания.

Затем он откинулся на спинку сиденья и задвинул шторку на окне. Экипаж поехал вперед, следуя прямо за женской фигурой.

– Думаешь, это леди Каландра? – недоверчиво протянул Арчи. – Что бы ей здесь делать? Да еще одной? В такое-то время?

– Действительно, что? – повторил его кузен, задумчиво барабаня указательным пальцем по нижней губе.

Тилфорд отодвинул шторку и выглянул наружу:

– Мы ее обогнали.

– Знаю.

На следующей улице экипаж повернул направо и медленно остановился. Бромвель распахнул дверь и выбрался наружу.

– Бром! Что, по-твоему, ты сейчас делаешь? – спросил Арчи.

– Ну, я же не могу позволить леди одной ходить по городу в столь поздний час, – весело отозвался граф.

Коснувшись на прощание полей шляпы и улыбнувшись кузену, Бромвель закрыл дверцу и зашагал прочь.

Глава 4

Калли шла очень быстро, и шаги ее эхом разносились по безлюдной улице. Задумывая свой план, она и представить не могла, насколько темным и пустынным окажется ночной город. Тогда значимым для нее казалось лишь то обстоятельство, что никто не увидит, как бесстрашно она шествует по улице без сопровождения горничной или иной компаньонки. Сейчас же девушка осознала, что в обществе горничной чувствовала бы себя куда более уверенно.

Она вовсе не относилась к тому типу людей, которых легко испугать, но по мере того, как гнев, заставивший ее покинуть свой дом в неурочный час, рассеивался, она все отчетливее осознавала, что ночью на промысел выходят воры и прочие преступники. Конечно, они жили в фешенебельном районе Лондона, который был безопаснее прочих, но Калли никак не могла отделаться от услышанных ею ранее историй, как подвыпивших джентльменов преследовали и атаковали на обратном пути из таверны. И уж конечно, если злоумышленник решил обокрасть богатый особняк, сейчас для этого наступало самое подходящее время.

Более того, даже если поблизости и не окажется криминальных личностей, Калли понимала, что джентльмены, особенно находящиеся под хмельком, тоже представляют для нее реальную угрозу, ведь они могут принять ее за женщину легкого поведения, торгующую собой. Она не испытывала ни малейшего желания пасть жертвой подобной ошибки.

Заслышав сзади стук колес приближающегося экипажа, девушка вздрогнула, но тут же взяла себя в руки и, не оглядываясь, ускорила шаг, стараясь двигаться как можно более уверенно. Она надеялась, что пассажир кареты подумает, будто она – мужчина в длинном плаще, и не обратит внимания на подол ее платья. А возможно, он и вовсе не взглянет в ее сторону.

Калли облегченно вздохнула, когда экипаж проехал мимо нее и, грохоча колесами по мощенной кирпичом мостовой, завернул за угол и скрылся из виду. Она поспешила к следующему перекрестку. Пройти несколько кварталов, отделяющих ее особняк от особняка леди Хостон, в привычных обстоятельствах не казалось длинной дорогой, но сейчас она пугающе растянулась. Девушка подумывала уже о том, чтобы вернуться домой, но приказала себе не быть трусихой и продолжила путь.

В конце квартала из-за угла показалась фигура, направляющаяся в ее сторону. Калли замерла на месте, чувствуя, как сердце колотится прямо в горле. Немного поколебавшись, она все же медленно двинулась вперед, решив, что если сейчас развернется и пустится бежать, то лишь спровоцирует незнакомца преследовать ее, пусть даже из чистого любопытства.

Кроме того, в фигуре мужчины было что-то необычное, что-то, что заставило ее идти ему навстречу, шурясь, дабы лучше рассмотреть его в тусклом свете. Незнакомец не был облачен в пальто или плащ. Особенно странным девушке показалось то, что на нем не было даже шляпы. В его манере одеваться чувствовалась эксцентричность: жакет имел буфы на рукавах, брюки были слишком широки, сапоги с отворотом. На мужчине не было привычного костюма, свойственного джентльмену, – или любой другой одежды, по которой она могла бы сказать, кто перед ней. Кроме того, он, по всей видимости, заткнул свою трость за пояс.

Первая мысль, промелькнувшая в голове Калли, состояла в том, что этот человек очень сильно пьян, но следом за ней в душу закралась надежда, что... *нет, это совершенно невозможно!*

Она остановилась.

Мужчина продолжал уверенно двигаться в ее направлении, и с каждым сделанным им шагом девушка все более утверждалась в мысли, что глаза ее не подвели.

– Лорд Бромвель! – воскликнула она.

В следующее мгновение она пожалела о том, что назвала его по имени, и подумала, что ей бы следовало развернуться и отправиться домой. Тогда он решит, что она страдает луна-

тизмом. Нет, еще хуже, он сочтет ее женщиной нестрогих нравов. Конечно же сестру герцога нельзя заподозрить в торговле собственным телом, поэтому Бромвель, вероятнее всего, заподозрит, что она оказалась на улице в такой час из-за романтического свидания. Для замужней дамы подобное поведение расценивалось как скандальное, для незамужней девушки – катастрофичное.

Внутри у нее все сжалось при мысли о том, что теперь этот мужчина станет презирать ее. А если он расскажет кому-нибудь, при каких обстоятельствах видел ее, то навсегда погубит ее репутацию, а ее брата и семью покроет несмываемым позором. Калли надеялась, что человек, хорошо с нею знакомый, не поверит в то, что она замешана в чем-то предосудительном, и не станет никому рассказывать, что видел ее, чтобы уберечь ее имя от позора.

Но Бромвель едва ее знал. Хуже того, Сенклер плохо обошелся с графом; Калли охарактеризовала бы поведение своего брата как злобное, даже пренебрежительное. Ей страшно было подумать, как Сенклер разговаривал с Бромвелем после ее ухода. Поэтому у графа не было ни малейших оснований покрывать ее или ее брата, напротив, он, скорее всего, с радостью воспользуется возможностью отомстить герцогу.

Почему же ее брат повел себя подобным образом? Вмешательство Сенклера и его холодная уверенность, что он может приказывать ей, как себя вести, настолько разозлили ее, что она даже не потрудилась задуматься, почему Рошфору столь не понравилось застать ее наедине конкретно с этим мужчиной. Может, из-за неподобающей репутации Бромвеля? Возможно, герцог приказал ему держаться подальше потому, что считал его соблазнителем молодых девиц?

Разум ее метался от одной мысли к другой, еще более катастрофичной, и она по-прежнему не могла сдвинуться с места. Наконец Калли с отчаянием ухватилась за идею, что, вероятно, граф просто не узнал ее голос и не разглядел лица, скрытого глубоким капюшоном. Тогда у нее еще есть шанс развернуться и убежать.

В следующее мгновение эта надежда растаяла как дым, когда Бромвель остановился перед ней. На лице его застыло выражение крайнего изумления.

– Леди Каландра? Вы ли это?

Проглотив комок в горле, Калли распрямила плечи, решив, что должна смело выдержать это испытание и не позволить запятнать честь семьи своим импульсивным поведением.

– Лорд Бромвель. Неудивительно, что вы шокированы, – произнесла она, отчаянно пытаясь придумать какое-то разумное объяснение своего нахождения на улице в столь поздний час.

– В первое мгновение мне показалось, что зрение подводит меня. – Он остановился в футах от девушки. – Что-то произошло? Вы не должны быть здесь посреди ночи. Где ваша семья?

Калли жестом указала на улицу позади себя:

– Мирно почивают в своих постелях. А я... я не могла заснуть.

– И решили пойти прогуляться? – вежливо произнес Бромвель, поднимая от удивления брови.

– Полагаю, вы считаете, что я поступила опрометчиво? – спросила девушка.

– Все нет. – Он улыбнулся. – У меня самого есть сестра, и мне отлично известно, что правила света зачастую кажутся сильной женщине слишком стесняющими.

Против воли Калли улыбнулась в ответ, убеждая себя, что ее страхи были напрасными. Бромвель, как оказалось, вовсе не отнесся к ее поступку предосудительно, как раз наоборот, его лицо, улыбка, голос... все лучилось добротой и пониманием. В его поведении не было ни намека на измененные мысли: ни вожеления во взгляде, ни вкрадчивых ноток в голосе, ни непристойных предложений.

– Тогда вы... никому... не расскажете?

– О том, что встретил вас на прогулке? – закончил граф. – Разумеется, нет. Не вижу ничего особенного во встрече с молодой девушкой, которая вышла подышать свежим воздухом.

– Совершенно с вами согласна, – ответила Калли, облегченно вздыхая.

– Но позвольте мне проводить вас до вашего дома. – Он галантно предложил ей руку.

– Я направляюсь к особняку леди Хостон.

Граф удивился, но, к огромному облегчению девушки, не стал высказывать свои соображения по поводу ее необычной ночной прогулки. Вместо этого он просто сказал:

– Тогда я буду счастлив сопроводить вас к особняку леди Хостон, если вы сооблаговолите показать дорогу. Как вы могли догадаться, я не очень хорошо ориентируюсь в Лондоне.

– Не думаю, что встречалась с вами прежде, – заметила Калли, беря графа под руку. Вместе они зашагали вниз по улице.

– С тех пор как унаследовал титул, я провожу большую часть времени в своем поместье, – пояснил он. – С сожалением должен констатировать, что оно находилось в очень плачевном состоянии, поэтому у меня не оставалось времени на... – Он пожал плечами.

– Легкомысленное времяпрепровождение?

Бромвель с улыбкой посмотрел на девушку:

– Я не имел намерения называть столичную жизнь легкомысленной.

Калли ухмыльнулась:

– Уверяю вас, я совсем не обиделась. Наоборот, вынуждена признать, что в основном так и есть.

– Не вижу ничего плохого в некоторой толике ветрености.

Было что-то невероятно возбуждающее в том, чтобы идти вот так с этим мужчиной – даже их вполне обычная беседа приобрела вдруг дерзкий и волнующий оттенок. Калли было несвойственно находиться наедине с мужчиной. А быть наедине с мужчиной ночью на пустынной улице и вовсе казалось ей немыслимым. Никогда прежде Калли не поступала столь шокирующим образом. Тем не менее она не могла заставить себя сожалеть о своем поступке. С удивлением девушка обнаружила, что даже не чувствует себя виноватой. Наоборот, ее переполнял восторг и ощущение свободы.

Будучи откровенной с самой собой, она не могла не признать, что ее ощущения связаны не столько с ее ночным приключением, сколько с радостью находиться рядом именно с этим мужчиной.

Калли украдкой посмотрела на него, охватив взглядом жесткую линию подбородка, высокие скулы и едва заметную щетину, обозначившуюся на его щеках. В графе чувствовалась особая непреклонная сила, обусловленная не столько его широкоплечей высокой фигурой, сколько излучаемой им атмосферой уверенности и осведомленности. Даже когда Бромвель разговаривал с ней и улыбался ей, Калли ощущала его настороженность и готовность действовать. Его серые глаза внимательно осматривали все вокруг, а мускулы были напряжены и готовы к действию. Девушка подумала, что именно к такому типу мужчин обычно обращаются за помощью люди, находящиеся в критической ситуации. Также она поняла, что графа Бромвеля лучше не гневить, и с потрясением осознала, что в этом он походит на ее брата. Конечно, он не обладал изысканными манерами герцога и к тому же был наделен плутоватым очарованием. Тем не менее Каландра ощущала в нем тот же непоколебимый характер, что и у Сенклера, неизменную отличительную черту, по которой можно было безошибочно определить родовитого аристократа.

Словно почувствовав на себе ее взгляд, Бромвель в ответ воззрился на нее. Глаза его в темноте казались черными. Он не улыбнулся и ничего не сказал, продолжая молча взирать на нее, и Калли почувствовала, как ее затопляет волна влечения к этому человеку.

Она поспешно отвернулась, страшась взглядом выдать свои чисто физические ощущения. Лорд Бромвель волновал ее, и она реагировала на него так, как ни на какого другого мужчину. Как ни странно, неизвестность не отталкивала, а, наоборот, привлекала ее. Девушке очень хотелось знать, чем именно граф не угодил Сенклеру и почему брат повел себя столь резко, увидев их вместе.

– Мне следует извиниться за поведение своего брата, – начала Калли, снова глядя на Бромвеля.

Он лишь пожал плечами, словно не придавая этому значения.

– Вполне естественно, что брат печется о благополучии сестры и хочет защитить ее. У меня тоже есть сестра, поэтому я его отлично понимаю.

– Надеюсь, вы не стремитесь слепо опекать ее, – с улыбкой заметила девушка.

Он рассмеялся:

– Уж точно нет. Боюсь, она спустит с меня шкуру, начни я указывать ей, как себя вести. Она несколькими годами меня старше, хотя и не обрадовалась бы, сообщи я кому-нибудь об этом. В общем, именно сестра имеет обыкновение помыкать мною, а не наоборот. – Его голос больше не был шутливым, напротив, в нем слышались стальные нотки. – Как бы то ни было, я бы презирал любого человека, который попытался бы причинить ей зло.

– Я души не чаю в своих брате и бабушке, но иногда они слишком ограничивают мою свободу, – призналась Калли.

– Именно из-за этого вы решили среди ночи отправиться в одиночку к леди Хостон?

Девушка замялась, прежде чем уклончиво произнести:

– Я направляюсь к леди Хостон, чтобы просить ее об одной услуге.

Она почувствовала облегчение оттого, что Бромвель не стал заострять внимание на том, что это был не совсем ответ на его вопрос... или что она выбрала неподходящее время, чтобы просить кого-либо об одолжении. Она и сама все это отлично понимала. Она поступила недуманно, поддавшись своему импульсивному порыву. Ей очень повезло, что по дороге она повстречала лорда Бромвеля, а не какого-нибудь головореза.

– Вы, должно быть, считаете меня молодой и глупой, – сказала девушка, слегка краснея. – Конечно, я действовала в сердцах.

– Нет. – Он тепло ей улыбнулся. – Я считаю вас молодой и прекрасной. – Немного помолчав, он добавил: – И возможно, немного озлобленной на своих чересчур заботливых родственников.

Калли рассмеялась:

– Без сомнения, так и есть.

Взгляды их встретились, и девушка обнаружила, что не в силах отвести глаза. Чтобы сделать это, ей пришлось приложить невероятные усилия и напомнить себе, что взирать на мужчину столь долго и пристально является дурным тоном. Во рту у нее пересохло, все мысли пропали. Она силилась что-то сказать, но не могла, и беспрестанно ругала себя, называя школьницей, которую впервые пригласили на танец.

– Как я вижу, вы без шляпы, – наконец вымолвила она, внутренне заставив от столь неуместного замечания.

– Да, мне пришлось ее оставить. Решил, что на улицах города она будет выглядеть неуместно.

– Неуместно! Вот уж нет! – запротестовала Калли. – Лично я нахожу вашу шляпу привлекательной.

Она с удивлением осознала, что снова флиртует с графом, как на бале-маскараде. Бромвель отвечал ей в той же легкомысленной манере. Голос его обволакивал ее и был полон тайного смысла, глаза, вззирающие на нее, ярко сияли.

– Вы тоже не стали переодеваться в другой наряд, – заметил граф, указательным пальцем слегка сдвигая ее капюшон, чтобы стала видна ее тюдоровская шляпка. – Я очень этому рад, потому что нахожу ваш головной убор очаровательным.

Калли осознала, что они остановились посреди улицы, и стоят довольно близко друг к другу. Его пальцы все еще находились в непосредственной близости от ее капюшона.

– Но мне невыразимо приятно видеть, что маску вы все же сняли, – продолжал Бромвель хриплым голосом. – Ваше лицо слишком прекрасно, чтобы скрывать даже малую его часть.

Он провел ладонью по ее щеке, отчего у Калли перехватило дыхание. Она подумала, что граф снова собирается ее поцеловать, и сердце ее забилось быстрее в предвкушении. Она вспомнила жар, омывающий их тела, силу, с которой к ее губам прижимались его губы, такие бархатистые и соблазняющие, но одновременно и требовательно-ненасытные.

Бромвель убрал руку и продолжил движение. Калли, спотыкаясь, последовала за ним. Пульс ее участился, колени слегка дрожали. Ей оставалось лишь гадать, ощущает ли и граф вождение, подобное тому, что волнами окатывает ее тело.

Очень скоро они достигли элегантного особняка Франчески, и Калли ощутила болезненное покалывание в сердце. Остановившись на первой ступеньке лестницы, она принудила себя улыбнуться.

– Пришли, – сообщила она, протягивая ему руку. – Благодарю за то, что проводили меня. Надеюсь, вы не слишком отклонились из-за меня от цели своего маршрута.

– Наша прогулка доставила мне неизъяснимое удовольствие, – заверил девушку граф, беря ее за руку. Вместо того чтобы поцеловать тыльную сторону ладони, он просто сжимал ее, не отрывая глаз от лица Калли. – Вы должны дать мне обещание впредь не совершать столь опрометчивых поступков. Если захотите снова прогуляться ночью, пошлите мне записку, и я пойду с вами, чтобы обеспечить вашу безопасность.

– Уверю вас, я буду вести себя очень осмотрительно. Ваша помощь мне больше не понадобится.

– Уверены? – поддразнил граф, поднимая брови. Свободной рукой он нежно обнял Калли за талию и привлек к себе. Склонившись к девушке, он прильнул губами к ее губам.

Она растворилась в поцелуе Бромвеля, чувствуя только его губы и дерзкий язык, поработавший ее рот. У графа был вкус портвейна, ночи и притягательного голода. Калли ощутила слабость в ногах и обхватила его за шею, теснее прижимаясь к груди и возвращая поцелуй.

Он выпустил ее руку и принялся гладить по спине, постепенно спускаясь ниже, к ягодицам. Подхватив податливое тело Калли, он поднял ее, привлекая к себе. Девушка животом почувствовала затвердевшее доказательство его желания, чувствуя одновременно испуг и заинтересованность – причем заинтересованность в гораздо большей степени, потому что ее собственное лоно увлажнилось от томительного жара.

Калли чуть слышно вскрикнула и услышала ответный стон графа. Он оторвался от ее губ и долгое время молча смотрел ей в лицо блестящими глазами, в которых светилось желание.

– Нет, – пробормотал он. – Думаю, в прошлый раз я неверно выразился – это *вы* представляете для меня опасность. – Шумно выдохнув, Бромвель выпустил Калли из объятий и отступил на шаг. – А теперь прощайте, миледи. – Сделав еще один шаг, он с усмешкой добавил: – Мы встретимся снова, обещаю.

Развернувшись, он зашагал прочь, но Калли заметила, что он укрылся в тени деревьев, росших через два дома от особняка Франчески, и принялся наблюдать за ней. Выходит, граф решил лично убедиться, что она благополучно достигнет конечной цели своего путешествия, но в то же время оберегал ее репутацию, не желая быть замеченным рядом с ней. От осознания этого по телу ее разлилось тепло. Пряча улыбку, она поднялась по ступеням и, сделав глубокий вдох, чтобы успокоить неистово бьющееся сердце, постучала в дверь.

В ответ не раздалось ни звука, и Калли с запоздалым ужасом подумала, что Франческа, возможно, еще не вернулась домой с бала леди Оделии. Ведь и лорд Бромвель, судя по всему, еще только направлялся домой. Не исключала она и вероятность того, что все обитатели особняка уже давно спят.

Она напомнила себе, что кто-нибудь обязательно выйдет на стук, даже если господа и почивают. Дворецкий Франчески узнает ее и впустит, сколь странным ни показался бы ему столь поздний визит.

Когда дверь наконец слегка приоткрылась, явив ее взору всклокоченную голову лакея, Калли вздохнула с облегчением. При виде стоящей на пороге молодой женщины слуга, удивленно подняв брови, раскрыл дверь пошире.

– Мисс? – в замешательстве произнес он.

– Леди Каландра Лилльс, – представилась она, стараясь придать своему лицу самое благородное выражение.

Лакей замер в нерешительности, но в этот момент за его спиной возник дворецкий Франчески, облаченный в ночное платье и с колпаком на голове.

– Миледи! – воскликнул он. – Отойди в сторонку, Купер, и дай ее светлости войти, – резко приказал он слуге.

– Мне очень неловко беспокоить вас в столь поздний час, Фэнтон, – виновато произнесла Калли, оказавшись в прихожей.

– Миледи, даже не думайте об этом, – заверил ее Фэнтон. – В этом доме вы всегда желанная гостья. Купер проводит вас в желтую гостиную, а я сообщу леди Хостон о вашем приходе.

Поклонившись ей и отрывисто кивнув лакею, Фэнтон поспешил вверх по лестнице. Калли последовала за слугой в малую гостиную, которая, как она знала, была у Франчески самой любимой, потому что окнами выходила на крошечный садик и по утрам была всегда залита солнечным светом. Также из-за небольшого размера в ней было тепло от отапливаемого углем камина.

Калли подошла к тлеющему огню, чтобы согреться. Спустя несколько мгновений в комнату поспешно вошла Франческа, на ходу завязывая пояс парчового домашнего халата. Ее длинные белокурые волосы струились по спине, а изящные черты лица искажала тревога.

– Калли? Что произошло? – спросила она, бросаясь к девушке и протягивая к ней руки. – Расскажите мне, в чем дело.

– Нет-нет! Все в порядке, – смущенно отозвалась та. – Мне очень жаль. У меня и в мыслях не было вас тревожить.

Франческа вздохнула с облегчением.

– Хвала Господу! Я уж было решила... сама не знаю, что именно. – Щеки ее слегка порозовели, и она засмеялась, словно извиняясь. – Простите меня. Вы, должно быть, решили, что я сумасшедшая.

– Разумеется, нет, – поспешила уверить подругу Калли. – Сумасшедшей следует считать меня. Мне не следовало приходить к вам в такой час. Вполне естественно с вашей стороны было заключить, будто что-то стряслось. Прошу извинить меня за причиненное беспокойство.

Франческа лишь руками всплеснула.

– Присаживайтесь, прошу. Не хотите ли чаю?

– Нет, благодарю. Я и без того уже доставила вашим людям немало хлопот, – ответила девушка. – Со мной все в порядке.

Калли примостилась на краешке стула, а Франческа опустилась на диван напротив, с беспокойством глядя на свою гостью.

– Уверены? – поинтересовалась Франческа. – Понимаю, что положение не критическое, однако... – Она выразительно огляделась. – Вы пришли одна?

Калли кивнула.

– Знаю, это было небезопасно, но я просто... я не могла больше ни минуты оставаться в том доме!

Франческа удивленно воззрилась на нее:

– В Лилльском особняке?

Девушка кивнула.

– Прошу прощения, что побеспокоила вас в столь поздний час. Вы, вероятно, страстно желаете от меня избавиться, но я не знала, к кому еще мне обратиться.

– Правильно сделали, что пришли ко мне, – сжимая в ладонях ее руки, заверила Франческа. – И не беспокойтесь о времени. Я еще не ложилась, а лишь расчесывала волосы. А Фэнтон так и вовсе обожает приключения. Не удивлюсь, если через пару минут он принесет нам чаю с пирожными.

– Вы очень добры, – с улыбкой сказала Калли и, поколебавшись мгновение, добавила: – Знаете, я всегда считала вас почти сестрой.

Выражение лица Франчески смягчилось, и она с чувством пожала руку своей гостье:

– Спасибо, милая. Я тронута. Я и сама отношусь к вам так же.

– Раньше, – уныло призналась девушка, – я и правда полагала, что вы станете моей сестрой. Не помню точно, почему я так решила, но несколько недель эта мысль неотступно преследовала меня – пока Сенклер не разъяснил мне все. Я была тогда очень молода.

В комнате воцарилось молчание. Калли понимала, что Франческа изумлена и вежливо дожидается объяснений столь позднему визиту.

Девушка вздохнула:

– Мне так жаль. Теперь, когда я здесь, не знаю, что и сказать. – Немного помолчав, она продолжила: – Дело в том, что мы с Сенклером сильно повздорили нынешним вечером.

Глаза Франчески округлились от удивления.

– Вы и Рошфор? Но почему? Что произошло? Я всегда считала, что вы отлично ладите.

– В общем, так и есть, – не могла не согласиться Калли. – Но сегодня вечером... – Она снова умолкла, не желая посвящать в подробности семейных разногласий постороннего человека, даже того, которого знала всю свою жизнь.

– Вам не нужно ни о чем мне рассказывать, если не хотите, – заверила ее Франческа. – Мы можем просто поболтать о... о бале леди Оделии, к примеру. Он имел оглушительный успех, вы не находите?

– Совершенно с вами согласна. – Калли улыбнулась подруге. – Вы превосходная хозяйка, но мне действительно нужно поделиться с вами. Я должна рассказать кому-то и считаю... что вы поможете мне, если, конечно, захотите.

– Разумеется, – ответила Франческа, сгорая от любопытства. – Тогда я внимательно вас слушаю. Не беспокойтесь о красивых фразах, я знакома с вашим братом еще дольше, чем с вами, поэтому, смею заметить, ничто сказанное вами не может меня шокировать.

– Ах, это вовсе не шокирующе, – поспешила объяснить Калли. – Вполне обычное дело, честно говоря. Просто я и не подозревала, что Сенклер может быть таким деспотичным.

– Да.

– Ну, по крайней мере, не со мной, – продолжила девушка. – Он повел себя чрезвычайно грубо с джентльменом, который пригласил меня на танец и которого даже бабушка сочла достойным кавалером. А брат обращался со мной... он обращался со мной так, словно я ребенок! – При воспоминании об этом щеки Калли залила волна жара, а голос стал более хриплым от стыда и гнева. – Понимаю, мне не следовало оставаться с ним на террасе, но в том не было вины графа. Напротив, он помог мне избавиться от докучливого кавалера. Но Рошфор не дал мне даже возможности все объяснить. Он просто приказал мне уйти, словно оставлял пятилетнего ребенка без ужина в наказание за проступок. Я почувствовала страшное унижение.

– Не сомневаюсь в этом, – сочувственно отозвалась Франческа. – Я уверена, что герцог все осознает, когда успокоится...

– Ах, умоляю вас, не принимайте его сторону! – вскричала Калли.

– Нет, дорогая, конечно нет. Я убеждена, что он поступил отвратительно. Мужчины, как я заметила, частенько ведут себя подобным образом. Но когда осознает свои действия, он глубоко раскается.

– Честно признаться, я в этом сомневаюсь, – с горечью в голосе отозвалась девушка. – Я пыталась поговорить с ним о том, что произошло, когда мы вернулись домой, но он отказался дать мне объяснения. Единственное, что брат сказал, – что сделал это для моего блага. И этой отговоркой я должна удовольствоваться.

– М-м-м, это очень раздражает, – согласилась Франческа.

– Потом вмешалась бабушка с заявлением, что Рошфор во всем прав, а мне нужно поступать так, как он велит. Она напомнила о том, что я нахожусь под его опекой до тех пор, пока не выйду замуж. Нечего и говорить, что и под *ее* опекой тоже.

Франческа, хорошо знакомая с нравом вдовствующей герцогини, сочувственно закивала.

– Неудивительно, что вы расстроены.

У Калли вырвался вздох облегчения.

– Я знала, что вы сумеете меня понять!

– Да. Очень тяжело, когда родственники указывают, как нужно себя вести.

Теперь, когда обо всем рассказала подруге и снискала ее сочувствие и понимание, Калли вдруг подумала, что, может, ее история и впрямь прозвучала немного по-детски. Робко улыбувшись Франческе, она добавила:

– Мне очень жаль. Не следовало вовлекать вас в наши семейные дразги. Я просто... очень устала от правил и ограничений. Бабушка жила с нами всю зиму, непрестанно напоминая мне о моем возрасте и о необходимости выйти замуж. Даже тетюшка Оделия не преминула заметить, что я рискую пополнить ряды старых дев!

Черты лица Франчески исказила гримаса.

– Вы не должны позволять леди Пенкалли заставлять вас что-то делать! Понимаю, такой совет легче дать, чем следовать ему, потому что, честно признаюсь, эта дама пугает даже меня саму. Поэтому я стараюсь по возможности избегать ее общества.

– Да, но вам она не приходится двоюродной тетей. В любом случае, я ничего не имею против нее. В конце концов, она же не твердит бесконечно о моем долге, связанном с продолжением рода, или о необходимости вести себя благопристойно, чтобы не запятнать честь семьи.

– Иногда влияние членов семьи оказывается крайне обременительным, – откровенно призналась Франческа. – Моя мать пыталась заставить меня сделать хорошую партию в первый год моего выхода в свет.

– И как вы поступили? – с любопытством в голосе спросила Калли.

Франческа пожала плечами:

– Я ее разочаровала. Не в первый и не в последний раз, уверяю вас.

– Я так устала угождать другим людям.

– Возможно, вы пытаетесь угодить слишком большому количеству людей, – предположила Франческа. – Вам стоит больше думать о себе самой.

– Именно поэтому я и пришла к вам! – воскликнула девушка. – Вы именно тот человек, кто способен мне помочь.

– Не понимаю, – ответила озадаченная Франческа. – Конечно же я сделаю для вас все, что в моих силах, но, боюсь, мое мнение невысоко ценит и Рошфор, и герцогиня.

– Нет-нет, я вовсе не прошу вас замолвить за меня словечко перед ними. Я хочу, чтобы вы помогли мне найти мужа.

Глава 5

Франческа воззрилась на свою гостью немигающим взглядом.

– Прошу прощения?

– Я решила, что мне необходимо выйти замуж, а все уверяли меня, что вы – именно тот человек, к которому нужно обратиться по этому вопросу.

– Но, Калли... – Франческу терзали сомнения. – Я-то думала, что вы огорчены как раз из-за намерения вашей бабушки и леди Оделии подыскать вам мужа. Мне кажется, вы снова пытаетесь угодить им.

– Нет. Уверяю вас, все совсем не так, – с жаром заверила ее девушка. – Видите ли, я ничего не имею против брака. Я не синий чулок и не намереваюсь всю жизнь провести, читая книги в одиночестве. И я не так независима, как Ирен, и не боюсь связать свою жизнь с мужчиной. Я хочу замуж, хочу детей и собственный дом, понимаете? Не собираюсь до конца дней своих оставаться сестрой Рошфора или внучкой герцогини. Я мечтаю о собственной жизни, и единственный способ добиться этого – вступить в брак.

– Но если вы стремитесь к независимости... вы уже совершеннолетняя и обладаете значительным состоянием.

– Хотите сказать, что я могу жить своим домом? – сухо спросила Калли. – Но тогда весь beau monde⁴ заинтересуется причинами, побудившими меня отделиться от брата. К тому же мне вовсе не хочется выслушивать нотации о моей неблагодарности и неисполнении долга перед семьей. Я не рискну порвать отношения с единственными родными мне людьми. Я лишь хочу занять собственную жизнь и освободиться от гнета наставлений и ограничений. Мне не удастся достигнуть этой цели, даже поселись я отдельно от них. В таком случае мне придется нанимать пожилую компаньонку, предпочтительно вдову, чтобы она жила со мной, но даже в этом случае я все еще буду оставаться незамужней девушкой, неспособной делать что захочется и ездить куда заблагорассудится. Вам известно, каково это, Франческа. Пока не выйдешь замуж, не видать свободы. Мне бы так хотелось сшить зеленое бальное платье! Или насыщенного синего цвета. Или любого другого, только не этого вечного белого!

Франческа усмехнулась:

– Мне знакомо это чувство. Но вы же не можете выйти замуж только ради того, чтобы носить синие платья!

– Иногда мне кажется, что могу, – парировала девушка и со вздохом добавила: – Но, конечно, дело не в этом. Я просто хочу замуж. Порой я представляю себя идущей по дороге, которая ведет в никуда. Я все жду, когда же начнется настоящая жизнь. Пришло время действительно начать жить.

Франческа наклонилась вперед:

– Но, дорогая моя, у вас не должно быть недостатка в поклонниках. Вам стоит лишь кивнуть, и дюжина мужчин окажется у дверей вашего дома, прося у Рошфора вашей руки.

– Действительно, в кавалерах недостатка нет, – печально вздохнула Калли. – Но большая их часть всего лишь охотится за моими деньгами. Я уверена, есть и другие мужчины, которые не желают даже близко подходить ко мне из-за моего происхождения, потому что не хотят, чтобы их сочли лицемерами, или считают, что я не захочу иметь с ними дела, раз у них нет состояния или титула. Даже незнакомые со мной люди часто считают меня высокомерной, но вы же знаете, что это не так.

– Да, мне это известно.

---

⁴ Бомонд, высший свет (*фр.*).

– А других отпугивает Рошфор. Одно дело, когда поклонник – охотник за состоянием или кто-то, кого я терпеть не могу, но Сенклер отталкивает даже приятных джентльменов.

– Да уж, герцог может нагнать страху, если пожелает, – сухо заметила Франческа.

– Пф-ф! Это еще мягко сказано. Если я пытаюсь заговорить с ним об этом, он тут же принимает свою знаменитую «герцогскую мину», – Калли состроила гримасу, передразнивая брата, – и отвечает, что действует исключительно в моих интересах.

Франческа не сумела сдержать смех.

– Да, это выражение лица мне хорошо знакомо. Эту маску он надевает, когда не хочет, чтобы к нему приставали с расспросами.

– Вот именно.

– Может, у вас... есть определенный поклонник на примете? – тщательно подбирая слова, поинтересовалась Франческа.

– Ах, нет, – поспешно ответила Калли, мыслями тут же возвращаясь к лорду Бромвелю. Может ли он оказаться подходящей кандидатурой на роль мужа?

Было в нем что-то неотразимое, нечто большее, чем привлекательная внешность и теплая улыбка. Находясь рядом с ним, девушка чувствовала себя другой: более яркой, более счастливой, словно озаренной внутренним светом. Тем не менее она знала, что глупо с ее стороны рассматривать его как потенциального мужа. Она едва знала графа, и брату он явно не нравился.

Калли покачала головой.

Франческа посмотрела на нее проницательным взглядом, но ничего не сказала. Калли не добавила больше ни слова, и тогда она сама осторожно спросила:

– Не кажется ли вам, что стоит немного подождать? Вы же еще не достигли критического возраста.

Посудите сами: и Ирен, и Констанция вышли замуж после двадцати пяти лет, а вам едва исполнилось двадцать три. Не стоит принимать опрометчивых решений. Возможно, очень скоро вы встретите мужчину своей мечты.

На лице Калли появилась озорная улыбка.

– Хотите сказать, что я все еще могу влюбиться? Потерять голову от таинственного незнакомца? – Она снова непроизвольно вспомнила мужчину, с которым встретила сегодня на балу, но поспешила отогнать прочь эти мысли, напоминая себе, что речь идет вовсе не о нем.

Покачав головой, она произнесла:

– Прежде я и правда думала, что это когда-нибудь со мной случится, но тогда мне было лет семнадцать–восемнадцать, и я только начала выходить в свет. – Она пожала плечами. – Вращаясь в высшем обществе, я быстро осознала, насколько мала вероятность возникновения этого чувства. Я знакомилась со многими достойными мужчинами, но ни один из них не взволновал моего сердца. Да, я привечала одного или двух, по крайней мере некоторое время. Я немного флиртовала, танцевала с ними, выслушивала их льстивые замечания и на неделю-другую позволяла себе думать: «Возможно, он – тот самый человек, которого я жду». Но я ошибалась. Очень скоро я начинала подмечать за ними какие-то недостатки или черты характера, раздражавшие меня, и неизбежно задавалась вопросом: «И что я в них нашла?»

Лицо ее погрузнело, но девушка продолжила:

– Тогда я решила, что члены нашей семьи просто не способны влюбиться. Посмотрите на Рошфора. Он желанная мишень для каждой матушки, имеющей дочерей на выданье, но ни разу не пал жертвой любви.

– Полагаю, что нет... – пробормотала Франческа.

– А можете ли вы вообразить, чтобы герцогиня забылась настолько, чтобы позволить столь плебейскому чувству завладеть своим разумом? Уверена, она вышла замуж за моего дедушку только потому, что это был выгодный брак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.